

О школьной дисциплинѣ.

I.

Что разумѣють у насъ подъ школьною дисциплиною. — Неразумность и вредъ общепринятой школьной дисциплины. — Почему такъ мало цѣнится у насъ настоящее воспитаніе. — Дисциплина въ классѣ. — При какихъ условіяхъ не нужны на урокахъ никакія дисциплинарныя мѣры.

«Управлять собой—самое трудное
изъ всѣхъ искусствъ».

Кому не приходилось слышать фразу: «Въ школѣ дисциплина прежде всего!» Кто вмѣстѣ съ тѣмъ не слыхалъ жалобъ на трудность установить надлежащую дисциплину въ школѣ, и кто же не знаетъ, что ей, этой дисциплинѣ, словно Ваалу какому-то, больше всего приносится жертвъ, при томъ жертвъ человѣческихъ, въ видѣ удаленныхъ изъ заведенія неисправимыхъ шалуновъ, грубіановъ, буйановъ, и всякихъ другихъ, не могущихъ никоимъ образомъ удержаться въ указанныхъ рамкахъ.

Что же такое эта дисциплина? Почему она такъ трудно достижима? И точно ли такъ необходимо приносить ей обильныя жертвы? Разобраться въ этихъ вопросахъ нелегко, но попробуемъ, не мудрствуя лукаво, не вдаваясь въ детали и тонкости, которыя часто только загромождаютъ статьи и дѣлають ихъ неудобочитаемыми,—попробуемъ на основаніи долготѣней практики и личныхъ наблюденій отвѣтить на эти вопросы.

Подъ *школьною дисциплиною* разумѣють исполненіе со стороны учащихся или воспитывающихся требованій школы (выражаемыхъ иногда въ видѣ печатныхъ правилъ), относительно ученія и поведенія. Для водворенія дисциплины въ школѣ начальствующія лица, а также наставники, воспитатели и учителя облечены болѣе или менѣе дисциплинарной властью, имѣють право примѣнять къ учащимся различныя дисциплинарныя мѣры,—выговоры и наказанія. Короче говоря, дисциплина

—это повиновеніе требованіямъ школы, а главное средство добиться этого повиновенія—страхъ наказанія.

Въ большинствѣ случаевъ школьная дисциплина въ сущности не отличается ничѣмъ отъ той дисциплины, какая требуется отъ взрослыхъ на службѣ: данъ приказъ, и должны его исполнить, а не исполнять, послѣдуетъ взысканіе. Такая дисциплина, не споримъ, часто необходима для пользы службы; плохо, напримѣръ, если въ войскѣ въ военное время не окажется безусловнаго повиновенія приказу начальства. Но не слѣдуетъ забывать, что въ служебной дисциплинѣ на первомъ планѣ интересъ того дѣла, которому обязаны служить служащіе, а вовсе не интересъ личности этихъ послѣднихъ; при томъ, это люди взрослые, и у нихъ предполагается и способность управлять собою, и разсудокъ, могущій сообразить далеко впередъ послѣдствія нарушенія дисциплины. Теперь спрашиваемъ, возможна ли подобная дисциплина въ школѣ? Прежде всего основная задача ея, главнѣйшее дѣло—это воспитаніе и обученіе дѣтей: они—главный объектъ ея. Потомъ, это—дѣти, часто неспособныя ясно понимать ни пользы, ни вреда для себя извѣстнаго поступка,—дѣти, живущія настоящимъ моментомъ, вовсе не помышляющія не только о далекомъ будущемъ, но даже о завтрашнемъ днѣ. Наконецъ, можно ли отъ дѣтей требовать способности самообладанія, самообузданія: вѣдь управлять собою самое трудное изъ искусствъ! Словомъ дисциплина въ школѣ только и имѣетъ смыслъ, какъ составная часть или, вѣрнѣе, элементъ воспитанія. Взятая же отдѣльно отъ него, практикуемая въ школѣ, какъ нѣчто самостоятельное, она является здѣсь нерѣдко нелѣпнымъ насиліемъ надъ дѣтской натурой, и не только не ведетъ къ желаемой цѣли, но вредитъ дѣлу правильнаго воспитанія и сопровождается печальными жертвами.

Не удивительно ли, что тѣ же самые педагоги, которые принимаютъ вполне, что нельзя всегда велѣть ученику: «Пойми!», а надо такъ обставить дѣло, чтобы явилось необходимое пониманіе, въ то же время полагаютъ, что достаточно сказать мальчику: «Повинуйся!» и онъ можетъ легко это исполнить? Будто ребенку повиноваться, т. е. обуздывать свою волю и подчинять

ее другой, легче, чѣмъ понимать! При томъ нерѣдко предъявляются дѣтямъ требованія, несоотвѣтствующія ни ихъ физическимъ, ни ихъ психическимъ особенностямъ.

Это послѣднее обстоятельство болѣе всего и обусловливаетъ трудность установить ту дисциплину, какую обыкновенно стремятся водворить въ школѣ. Говорятъ, напр., подвижному, полному силъ мальчугану: «Сиди смирно и слушай внимательно!» Ребенокъ, нерѣдко вовсе не занятый физически и умственно, такимъ образомъ принуждается цѣлый часъ сидѣть на скамьѣ неподвижно и напрягать вниманіе, слушая, при отвѣтахъ товарищей, въ десятый разъ одно и то же, что ему давно уже извѣстно. Спросимъ, способенъ ли всякій, даже взрослый, исполнить подобное требованіе? а отъ ребенка этого требуютъ. И вотъ онъ не въ состояніи исполнить приказа сидѣть смирно и слушать внимательно; тогда уже за нимъ признается болѣе тяжелая вина—непослушаніе, за которое онъ подлежитъ наказанію. Ребенокъ инстинктивно чувствуетъ, что надъ нимъ творится насиліе: предъявляется ему требованіе, трудно исполнимое для него, и за неисполненіе налагается несправедливое наказаніе,—чувствуетъ это, и въ душѣ его совершенно естественно зарождается озлобленіе, желаніе протеста. Мальчуганъ во всемъ этомъ не даетъ себѣ полнаго отчета, онъ не можетъ сказать наставнику: «Вы требуете отъ меня вниманія, такъ давайте что-либо такое, что подстрекало бы и вызывало его,—я не въ силахъ сосредоточивать его на томъ, что мнѣ уже и такъ хорошо извѣстно, что мнѣ уже надоѣло, что для меня вовсе неинтересно,—я и радъ бы напрягать вниманіе, да оно не слушается меня, что же я буду дѣлать?» Ребенокъ этого, конечно, не скажетъ, но почувствуетъ томительную скуку, необходимость чѣмъ-нибудь удовлетворить свой душевный голодъ, и вотъ является какая-либо затѣя, неумѣстная выходка, шалость. Опять нужны наказанія, опять наставникъ нерѣдко выходитъ изъ себя, безъ нужды оскорбляетъ словами виновника нарушенія тишины и спокойствія и порою такимъ путемъ вызываетъ уже дерзость со стороны мальчика, ведущую нерѣдко и къ крайне печальнымъ послѣдствіямъ для послѣдняго.

Дисциплинарныя требованія, несообразованныя съ дѣтской

натурой и силами, болѣе всего и ведутъ къ тому, что между наставниками и учениками образуется пропасть, и они обращаются какъ бы въ два враждебные лагеря. Явленіе это, какъ извѣстно, почти обычное въ школѣ: обмануть учителя, продѣлать ему какую-либо непріятность, совершить дерзкую шалость за его спиною, нагрубить ему—все это ученику его товарищами вѣняется нерѣдко въ заслугу, считается молодечествомъ,—совершенно аналогично съ тѣмъ, какъ на войнѣ смотрятъ на дѣйствія по отношенію къ врагу.

Многіе преподаватели, входя въ первый разъ въ классъ, даже стараются принять строгій видъ, напускаютъ на себя особенную суровость, желаютъ, что называется, съ перваго же раза осадить учениковъ своихъ, внушить имъ страхъ и почтеніе. Слѣдствіемъ является то, что душа ребятъ съ перваго же раза закрывается для нихъ, замыкается на семь замковъ, и говорить тутъ о благотворномъ воспитательномъ воздѣйствіи со стороны наставника совѣмъ не приходится.

Не разъ приходилось намъ слышать даже въ педагогическихъ собраніяхъ торжественно высказанныя слова: *«Воспитанники должны безусловно повиноваться своимъ наставникамъ»*. Если бы прибавлено было къ слову «наставникамъ» прилагательное «идеальнымъ», мы безусловно согласились бы съ этимъ изреченіемъ. Безъ этого же добавленія оно является совершенно несостоятельнымъ, даже въ нравственномъ отношеніи страшнымъ: вѣдь случается же, что наставниковъ удаляютъ изъ заведенія за неблагонадежность и даже безнравственность; гораздо чаще приходится удалять ихъ за безтактность, за неспособность къ своему дѣлу.

Повиновеніе само по себѣ, безотчетное или страха ради, не есть добродѣтель: повинуется вѣдь и членъ какой-либо мошеннической шайки своему старшѣму, посылающему его на промыселъ...

Требованіе безусловнаго повиновенія есть прямое слѣдствіе того, что дисциплина въ школѣ стоитъ особнякомъ отъ воспитанія, разсматривается внѣ его, даже, можно сказать, она вовсе вытѣснила воспитаніе; тогда какъ при правильной постановкѣ дѣла дисциплина въ школѣ должна занимать подчиненное мѣсто и должна разсматриваться, какъ одно изъ средствъ воспитанія,

Воспитательная дисциплина, повторяемъ, совсѣмъ не то, что служебная, военная дисциплина и пр.

Истинное воспитаніе никоимъ образомъ не можетъ удовлетвориться однимъ лишь пассивнымъ послушаніемъ изъ-за страха наказанія. Если мудрый законодатель рекомендуетъ взрослымъ людямъ повиновеніе законамъ «не токмо за страхъ, но и за совѣсть», при чемъ, конечно, и заботится, чтобы эти законы не противорѣчили совѣсти, то при воспитаніи болѣе всего приходится заботиться о повиновеніи «за совѣсть», и воспитатель долженъ хлопотать не о безусловномъ послушаніи, а о развитіи чувства законности и долга въ своихъ питомцахъ. Если въ обществѣ законъ страхомъ наказанія удерживаетъ отъ преступленія извѣстное число лицъ, расположенныхъ къ нему, то онъ свое дѣло сдѣлалъ,—уменьшилъ количество зла. Если же въ школѣ лишь страхомъ наказанія удержали воспитанниковъ отъ дурныхъ проявленій и проступковъ, то для благочинія школы кое-что сдѣлано, но для воспитанія не только не принесено этимъ пользы, но причиненъ немалый вредъ. Устраните въ данномъ случаѣ страхъ, и явятся проступки, которые страхомъ держатся лишь въ скрытомъ состояніи, а не искореняются. Попробуйте въ школѣ съ прекрасной будто бы дисциплиной, основанной на страхѣ, предоставить воспитанниковъ самимъ себѣ, и вы увидите, что вся дисциплина ушла изъ школы вмѣстѣ съ надзирателями, стоявшими на стражѣ ея. Она была лишь пріятнымъ миражемъ, или, вѣрнѣе, самообманомъ для начальствующихъ лицъ; мало того, она въ основаніи своемъ вредна, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ истиннымъ воспитаніемъ: гдѣ страхъ, тамъ и трусость, и притворство, и затаенная злоба. Страхъ для души, что холодъ для растенія: онъ мѣшаетъ ей правильно раскрыть свои свойства, расцвѣсти полнымъ цвѣтомъ, онъ глушитъ, давитъ ее. Для истиннаго воспитателя, который долженъ наблюдать, изучать своихъ питомцевъ и направлять ихъ къ добру, прежде всего надо позаботиться о довѣріи ихъ, объ откровенности, и потому онъ на дисциплину, основанную только на страхѣ, долженъ смотрѣть какъ на врага, мѣшающаго ему дѣлать свое дѣло.

Подобная дисциплина подкупаетъ своихъ адептовъ только

кажущейся простотой своей. Чего, кажется, проще сказать или написать въ правилахъ: дѣлай то-то и не дѣлай того-то, а если не исполнишь, то будешь наказанъ. Остается только улавливать нарушающихъ и наказывать. Для этого не нужно и воспитателей, а можно взять простыхъ надзирателей, дешевле стоящихъ. Они должны только смотрѣть въ оба и принимать надлежащія мѣры взысканія. Воспитанники, впрочемъ, скоро убѣждаются, что при извѣстной ловкости можно, подобно древнимъ героямъ, обходившимъ всякихъ аргусовъ, дѣлать, что угодно, лишь бы не замѣтили. И вотъ совершаются исподтишка шалости, порою возмутительныя, дерзкія, совершаются часто цѣлые годы, а начальство школы долгое время находится въ блаженномъ убѣжденіи, что все благополучно и дисциплина цвѣтетъ въ ихъ заведеніи. Когда же вдругъ откроется какая-либо возмутительная шалость, то вся вина складывается на семью, и воспитанникъ, совершившій проступокъ часто лишь изъ глупаго молодечества, изгоняется, и карьера его, въ его собственныхъ глазахъ и на взглядъ родителей, безвозвратно разбита...

Удивительно, какъ у насъ мало цѣнится воспитаніе въ школѣ, и какъ не понимаютъ всей недостаточности и даже вреда одной лишь внѣшней дисциплины, основанной на страхѣ наказанія!

Нельзя не признать, что за послѣдніе 20—30 лѣтъ педагогическое дѣло въ нашемъ отечествѣ двинулось значительно впередъ сравнительно съ до-реформеннымъ временемъ. Теперь всѣ сколько-нибудь мыслящіе люди понимаютъ, что къ педагогическому труду надо серьезно подготовляться, что преподавателю, кромѣ знанія своего предмета, слѣдуетъ еще поучиться, какъ преподавать его, сообразуясь съ возрастомъ учащихся. Учительскіе семинаріи, институты, педагогическіе классы служатъ очевиднымъ доказательствомъ этого. Нельзя не признать также и того, что въ низшихъ школахъ, сельскихъ и городскихъ, куда преимущественно направляются учительскія силы изъ указанныхъ заведеній, вполне ясно сказался болѣе серьезный взглядъ на педагогическое дѣло, и современныя намъ сельскія и городскія школы безспорно стоятъ неизмѣримо выше школъ

до-реформеннаго времени. Не видятъ этого развѣ только тѣ, которые не хотятъ видѣть. Въ среднеучебныхъ заведеніяхъ прогрессъ педагогическаго дѣла выразился гораздо слабѣе. Въ эти заведенія поступаютъ учителя и наставники, хотя и съ высшимъ образованіемъ, но по большей части вовсе не готовившіеся специально къ учительской дѣятельности. Мало того, у этихъ учителей и наставниковъ нерѣдко замѣчается даже высокомерное и презрительное отношеніе къ теоретической педагогикѣ и ея требованіямъ, и они предпочитаютъ по большей части путемъ своего личнаго опыта добиваться кое-какихъ педагогическихъ приѣмовъ. Презрительное отношеніе къ педагогикѣ, конечно, отчасти объясняется тѣмъ, что она не пользуется почетомъ у людей науки, не дающихъ ей почему-то мѣста въ университетѣ, хотя она, напр., въ видѣ исторіи педагогики могла бы занять почетное мѣсто между исторіей философіи и исторіей культуры.

Но если у насъ и сказался нѣкоторый педагогическій прогрессъ, то преимущественно, если не исключительно, лишь въ дѣлѣ обученія. Всѣ усилія, все вниманіе школы обращены лишь на обученіе, на воспитаніе разсудочной стороны, какъ будто даже и не признается, что есть и другія стороны человѣческой души, что и на нихъ слѣдуетъ обращать вниманіе. Эта односторонность педагогическаго дѣла и у насъ, и въ германской школѣ является самой характерной чертой, самымъ прискорбнымъ фактомъ. Объясняется это, конечно, отчасти тѣмъ, что психологія, которой болѣе всего и обязана педагогія нѣкоторымъ улучшеніемъ своихъ методовъ и приѣмовъ, несравненно дальше ушла въ разработкѣ разсудочныхъ процессовъ, чѣмъ другихъ душевныхъ явленій. Но все же и для объясненія области чувствъ и желаній сдѣлано не мало, и педагогамъ-практикамъ, особенно тѣмъ, на долю которыхъ выпала воспитательская дѣятельность, слѣдовало бы попытаться выбраться на болѣе разумные пути изъ той путаницы нелѣпыхъ взглядовъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ приѣмовъ, вытекающихъ изъ личнаго опыта, нерѣдко дурно истолкованнаго, и пресловутыхъ традицій, которыя, часто недостаточно объясненныя, являются лишь тормазомъ всякаго успѣха, всякаго движенія впередъ.

Достаточно поговорить съ воспитателями-практиками часть-другой по вопросамъ воспитанія, чтобы убѣдиться, что въ этомъ дѣлѣ господствуетъ совершенный хаосъ: тутъ вы встрѣтите и застарѣлые предразсудки, и наивные до крайности взгляды, и якобы педагогическія убѣжденія, которыя отзываются часто такою свѣжестью и неопредѣленностью, что невольно думается, что они тутъ только, во время разговора, родились на языкѣ собесѣдника. Чаше же всего воспитатели-практики крайне не любятъ вступать въ какіе-либо педагогическіе разговоры и пренія, уклоняются отъ всякихъ разспросовъ по этой части, давая понять, что все здѣсь такъ ужъ старо и неинтересно, что и говорить не стоитъ. Нерѣдко можно встрѣтить такихъ, которыхъ только удивить вопросъ, какими педагогическими соображеніями они руководятся въ тѣхъ или другихъ случаяхъ; такіе воспитатели съ недоумѣніемъ смотрятъ на спрашивающаго и отвѣтятъ вопросомъ: какія же тутъ соображенія? на то есть правила и инструкціи. Однимъ словомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вы встрѣтите, если можно такъ выразиться, *безпринципныхъ воспитателей, наемныхъ работниковъ* въ чужомъ дѣлѣ, людей, не только не видящихъ интереса и смысла въ своемъ трудѣ, но даже крайне тяготящихся имъ, а порой еще и горько сѣтующихъ на то, что избрали себѣ педагогическую дѣятельность.

Механическій трудъ любого ремесленника, который знаетъ, что онъ дѣлаетъ, изъ рукъ котораго выходятъ продукты известнаго качества, могущіе доставить ему удовлетвореніе, гораздо осмысленнѣе и почтеннѣе, чѣмъ труды педагога, подневольнаго работника, не видящаго въ своей работѣ смысла, даже и не ищущаго его.

И вотъ, такимъ-то слѣпотноствующимъ воспитателямъ ввѣряется по большей части воспитаніе нашихъ дѣтей. Оставаясь въ предѣлахъ своего личнаго опыта и наблюденія, я считаю себя въ правѣ сказать, что мнѣ нерѣдко приходилось наблюдать такія необдуманныя педагогическія дѣйствія, такую порчу дѣтскихъ характеровъ, такое насиліе надъ нравственнымъ чувствомъ воспитывающихся, что съ полнымъ правомъ можно называть ихъ преступленіями. И совершались они вполне наивно,

съ убѣжденіемъ, что такъ и слѣдовало поступать. Были преступленія, а преступниковъ не было! Совершавшіе преступленія были вполне въ состояніи невмѣняемости. О нихъ слѣдовало сказать: «Не вѣдаютъ, что творятъ».

Воспитанія въ настоящемъ смыслѣ этого слова въ нашихъ школахъ, обыкновенно, нѣтъ, — дѣло же сводится къ тому, что даются опредѣленные правила для воспитанниковъ, и дѣло воспитателей заключается въ наблюденіи, чтобы правила эти соблюдались. Иногда для руководства воспитателей даются имъ болѣе или менѣе обстоятельныя инструкціи. Средствомъ къ достиженію означенной цѣли служить рядъ наказаній. Дѣло сводится, стало быть, исключительно къ дисциплинѣ въ ея общепринятомъ смыслѣ.

Вниманіе, прилежаніе и хорошее поведеніе, т. е. соблюденіе школьных порядковъ и предписаній, — вотъ что обыкновенно требуетъ школьная дисциплина.

Остановимся прежде всего на классной дисциплинѣ.

Учащіеся: 1) должны быть внимательны и прилежны на урокъ, 2) должны сохранять тишину и спокойствіе. Такъ обыкновенно выражаются необходимыя условія при классныхъ занятіяхъ. Второе условіе (тишина и спокойствіе) выставляется въ сущности напрасно, такъ какъ оно неизбѣжно при наличности перваго. Ученикъ, внимательно слушающій объясненія учителя или прилежно работающій надъ рѣшеніемъ задачи, и не можетъ нарушать тишины и спокойствія въ классѣ. Прилежаніе, т. е. усердный умственный трудъ въ извѣстномъ, указанномъ учителемъ направленіи, обусловливается прежде всего сосредоточеннымъ вниманіемъ; слѣдовательно, *вниманіе* учащихся — вотъ основное условіе и прилежанія, и хорошаго поведенія учениковъ въ классѣ. Возбудилъ учитель это вниманіе у нихъ, и ему не приходится думать ни о какой дисциплинѣ; не сумѣлъ вызвать вниманія, тогда приходится позаботиться о различныхъ дисциплинарныхъ мѣропріятіяхъ.

Прежде психологи рѣзко подраздѣляли вниманіе на 1) *пассивное* и 2) *активное*; первое, которое вызывалось сильнымъ впечатлѣніемъ помимо воли человѣка, второе, которое человекъ вполне сознательно и самостоятельно своею волею на-

правлялъ на извѣстный предметъ. Педагогамъ было очень на руку такое дѣленіе, и они, относясь довольно пренебрежительно къ «пассивному» вниманію, утверждали, что главная задача — возбуждать *активное*, воспитывать у учащихся способность управлять своимъ вниманіемъ. Но болѣе глубокое изученіе приводитъ къ выводу, что рѣзко дѣлить вниманіе нельзя, что оно и у взрослыхъ по большей части пассивно и пропорціонально силѣ впечатлѣнія или той ассоціаціи, въ какую входитъ это впечатлѣніе съ имѣющимися въ наличности у субъекта представленіями и понятіями. Разница между вниманіемъ ребенка и взрослого та, что у перваго оно зависитъ болѣе отъ силы впечатлѣнія, а у втораго отъ силы ассоціаціи, въ которую оно приходитъ. Взрослый человѣкъ не бросится къ окну съ такою живостью, какъ ребенокъ, при сильныхъ звукахъ проходящей музыки; но, разсѣянно пробѣгая столбцы газеты, ходя по комнатѣ, онъ остановится на мѣстѣ какъ вкопанный на нѣсколько минутъ, если на глаза ему попадутся важныя свѣдѣнія, касающіяся его специальности или его интересовъ. Вниманіе ребенка порывисто и кратковременно, вниманіе взрослого устойчивѣе, ровнѣе и продолжительнѣе. Это, конечно, является слѣдствіемъ и болѣе сильной психическихъ актовъ и привычки. Наконецъ, слѣдуетъ напомнить еще объ одной психической особенностяхъ дѣтей: тѣ впечатлѣнія, которыя, независимо отъ интенсивности своей, разнообразнѣе, такъ сказать, дѣйствуютъ на душу, затрагиваютъ ее съ разныхъ сторонъ, вызываютъ и болѣе напряженное и продолжительное вниманіе. То, что дѣйствуетъ, напр., только на разсудочную сторону, гораздо меньше способно вызвать вниманіе у дѣтей, чѣмъ то, что одновременно вызываетъ и разсудочную дѣятельность и дѣйствуетъ на чувство и на воображеніе. Этимъ объясняется малая способность у дѣтей интересоваться отвлеченной истиной, логическими проблемами, т. е. сосредоточивать на нихъ свое вниманіе. Отсюда понятно, почему та же истина, то же логическое разсужденіе, связанныя съ художественной формой, дѣйствующей на чувство и воображеніе, съ картиной, съ нагляднымъ объясненіемъ, могутъ на продолжительное время приковать къ себѣ вниманіе дѣтей. Съ возрастомъ, съ большимъ умственнымъ развитіемъ, растетъ и способность

интересоваться отвлеченной истиной и чисто логической работой, такъ какъ это умственное развитіе заключается въ томъ, что у человѣка образовались ряды не только представленій, но и отвлеченныхъ понятій и идей, съ которыми и становится въ ассоціацію новая истина, новая идея, вызывающая вниманіе.

Все сказанное относительно вниманія и его особенностей въ дѣтскомъ возрастѣ необходимо имѣть въ виду прежде, чѣмъ разсуждать о классной дисциплинѣ. Самое элементарное благоразуміе и справедливость заставляютъ прежде предъявленія различныхъ требованій учащимся подумать о томъ, чтобы поставить ихъ въ благопріятныя условія для выполненія этихъ требованій.

Сказать: *«Слушай внимательно, сиди смирно, не шали!»* очень легко, наказать за неисполненіе этихъ требованій тоже не особенно трудно; но создать такія условія, при которыхъ не потребуется не только наказаній, но даже и словесныхъ напоминаній, — это гораздо труднѣе. Но въ разрѣшеніи этой задачи — главный смыслъ и интересъ для педагога, тѣмъ болѣе, что взысканія, вызываемыя классной дисциплиной, часто совершенно безсмысленны, нерѣдко возмутительны по своей несправедливости и обыкновенно больше вредятъ дѣлу воспитанія, чѣмъ помогаютъ ему.

Прежде всего можно ли сказать, что школа въ большинствѣ случаевъ принимаетъ мѣры, чтобы, основываясь на наблюденіи за дѣтской природой, создать вполнѣ благопріятныя условія для развитія вниманія и прилежанія учащихся? Полагаю, что въ большинствѣ случаевъ на эту сторону дѣла вовсе не обращается особенныхъ заботъ. Со стороны школы для развитія у учащихся вниманія и неразрывно связаннаго съ нимъ прилежанія необходимо правильно рѣшить вопросы: *что* въ какомъ возрастѣ преподавать и *какъ*?

Вопросъ о томъ, *что* преподавать, въ томъ или другомъ возрастѣ средней школы, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу такихъ спорныхъ вопросовъ, надъ которыми ломали голову многіе теоретики-мудрецы, и за исключеніемъ двухъ-трехъ учебныхъ предметовъ, относительно которыхъ не представляется сомнѣній, остальные принадлежатъ къ колеблющим-

ся, находящимся подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. На первый планъ, какъ мы уже говорили, выдвинула новая школа не знаніе, а умственное развитіе, и занимается не столько надѣленіемъ знаніями своихъ учащихся, сколько такъ называемой умственной гимнастикой. И вотъ мы уже слышимъ жалобы со всѣхъ сторонъ на трудность ученія, на необходимость для успѣха особенныхъ исключительныхъ выдающихся способностей, на переутомленіе мозга и проч. и проч. Эти жалобы раздаются не только у насъ, но и на Западѣ, особенно въ Германіи.

Старая школа, стараясь надѣлать учащихся всевозможными знаніями, въ сущности приводила лишь къ тому, что учащіеся кое-какъ по учебникамъ и запискамъ учителя заучивали, усваивали памятью различные обрывки всевозможныхъ знаній, не понимая ихъ, какъ слѣдуетъ, и не проникаясь ими. Новая школа забыла, что безъ знаній, безъ этой умственной пищи, и не можетъ быть развитія ума и роста его. Но что для насъ особенно важно, это — то, что и старая и новая школа все не обратили вниманія на психическія свойства дѣтей, на потребности ихъ натуры.

Дальнѣйшее движеніе въ дѣлѣ воспитанія и обученія несомнѣнно выразится въ томъ, что будетъ обращено должное вниманіе на требованія и права натуры учащихся въ разныхъ возрастахъ.

Представимъ себѣ классъ въ 30 ребятъ десяти или одиннадцатилѣтняго возраста, которые подрядъ часа два или три занимаются склоненіями и спряженіями, лишь съ тѣмъ разнообразіемъ, что одинъ часъ это дѣлается на русскомъ языкѣ, другой — на французскомъ, третій — на нѣмецкомъ и т. д. Предположимъ, что мы, взрослые, съ нашей выдержкой, съ нашей привычкой сосредоточиваться и даже при искреннемъ желаніи изучить какіе-либо неизвѣстные намъ языки, поставлены были бы въ необходимость три часа съ небольшими перерывами подвергнуться однообразнымъ отвлеченнымъ упражненіямъ по грамматикѣ, подобнымъ вышеуказаннымъ, и спросимъ себя, были бы мы способны съ полнымъ вниманіемъ, безукоризненно въ дисциплинарномъ отношеніи вытерпѣть подобную пытку? А дѣти какъ мужскихъ, такъ и женскихъ заведеній, нерѣдко ей

подвергаются. Представимъ себѣ и такой случай: учитель средняго или даже старшаго класса спрашиваетъ на четвертомъ или пятомъ урокѣ у учениковъ, уже утомленныхъ предыдущими занятіями, сидѣніемъ въ душной комнатѣ, выученный по учебнику урокъ, не представляющій ни внутренняго, ни вѣшняго интереса — спрашиваетъ одного, другого, третьяго; повторяется одно и то же, почти въ той же формѣ. Легко ли даже юношѣ цѣлый часъ слѣдить внимательно за отвѣтами товарищей, а онъ долженъ это дѣлать въ виду того, что отъ него могутъ потребовать исправить ошибку въ отвѣтѣ товарища или продолжать рассказъ его. Легко ли высидѣть на такомъ урокѣ спокойно съ напряженнымъ вниманіемъ? А вѣдь такихъ уроковъ встрѣчается довольно въ большей части заведеній. Часто ли учителя задумываются надъ тѣмъ, какъ жестоко въ сущности требовать отъ дѣтей или юношей сосредоточеннаго вниманія къ тому, что въ сущности не представляетъ ни малѣйшаго интереса ни по содержанію, ни по формѣ, какъ, напр., вниманіе ученика къ отвѣту урока, хорошо ему извѣстнаго, и повторяемаго подрядъ въ пятый или шестой разъ? Полагаю, что большинство, относясь къ дѣлу какъ наемные ремесленники, вовсе не задумывается. Программа дана, учебникъ указанъ, къ экзамену требуется представить учениковъ съ извѣстными свѣдѣніями и навыками. Учитель долженъ это выполнить, — за это онъ отвѣчаетъ. Какое значеніе имѣетъ учебный предметъ въ развитіи интеллектуальныхъ способностей ученика, какъ его нужно преподавать — объ этомъ задумываются немногіе. Большинство наставниковъ разсуждаетъ, что вовсе не ихъ дѣло раздумывать, почему и какъ, — приказано, и ученики *должны* исполнить. А чтобы помочь учащимся, еще слабымъ въ исполненіи долга, окрѣпить въ этомъ отношеніи, даны учителю средства: онъ можетъ поставить плохую отмѣтку за вниманіе, за прилежаніе, оставить на часъ на два лишніе въ заведеніи. Частое повтореніе дурныхъ отмѣтокъ и различные штрафы ведутъ къ тому, что составляется у всего педагогическаго персонала плохое мнѣніе объ ученикѣ, а далѣе можетъ кончиться и тѣмъ, что родителямъ вѣжливо предложить взять своего сына изъ заведенія, какъ неспособнаго подчиняться школьному режиму. Иногда дѣло со-

вершается скорѣе. Кому приходилось, сидя, напр., въ театрѣ, испытывать томительную скуку и досаду вслѣдствіе слишкомъ ужъ длиннаго антракта, тотъ знакомъ съ тѣмъ часто непреодолимымъ желаніемъ дать исходъ гнетущему чувству нетерпѣнія, громко выразить его словесно или постучать. Всякое выраженіе чувства нетерпѣнія и досады даже уменьшаетъ тягость ихъ. Чѣмъ юнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе онъ способенъ сдерживать порывы чувства, и вотъ нетерпѣніе, скука, досада, порождаемыя томительно скучнымъ урокомъ, вырываются наружу какою-нибудь выходкой, вызывающей смѣхъ товарищей, шалостью за спиной учителя, болѣе или менѣе значительной. Тутъ ученикъ уже является не только шалуномъ, а дерзкимъ нарушителемъ дисциплины, не уважающимъ школьныхъ законовъ и пр. и пр. Здѣсь уже сразу идутъ болѣе строгія наказанія, и дѣло скорѣе можетъ кончиться удаленіемъ преступника. Чего жалѣть его! Дурная овца можетъ испортить все стадо.

Изъ этихъ примѣровъ, полагаю, ясна наша мысль о зависимости классной дисциплины отъ содержанія уроковъ. Въ настоящее время въ Германіи все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ вниманія такъ называемое герbartіанское направленіе въ разработкѣ педагогическихъ вопросовъ. Герbartъ и его послѣдователи прямо ставятъ воспитаніе и обученіе на психологическую почву и выставляютъ какъ необходимое условіе успѣха обученія и развитія ума — *умственный интересъ*. Рѣшительная постановка этого принципа, безспорно величайшая заслуга германской педагогики. За этимъ принципомъ будущее. Только при надлежащемъ примѣненіи его обученія станетъ воспитывающимъ, знаніямъ будетъ отведено подобающее мѣсто въ школѣ и будутъ приняты во вниманіе свойства и права возрастовъ.

Вопросъ о томъ, *какъ* ведется преподаваніе по отношенію къ воспитанію и дисциплинѣ, важенъ не менѣе, чѣмъ вопросъ о содержаніи уроковъ. Приемы преподаванія такъ же важны, какъ и сущность его. Виртуозъ-преподаватель, мастеръ по части приемовъ, можетъ вызвать вниманіе учащихся къ уроку крайне бѣдному или скучному по содержанію. Напр., возьмемъ вышеприведенный урокъ по грамматикѣ. Если преподаватель вмѣсто

того, чтобы упражнять учениковъ въ склоненіи въ той отвлеченной и догматической формѣ, какъ въ учебникахъ, заставить ихъ самихъ отмѣтить падежныя окончанія изъ подходящей статьи; затѣмъ составить тутъ же на доскѣ таблицу, и привести примѣры предложеній, гдѣ встрѣчается тотъ или другой падежъ; если все это продѣлаетъ учитель, вызывая къ работѣ то одного, то другого, заставляя весь классъ принимать въ ней дѣятельное участіе, то урокъ можетъ пройти очень живо. Точно также и урокъ по исторіи, на которомъ учащіеся отвѣчаютъ заученное по учебнику, приметъ оживленный характеръ, если учитель, вмѣсто того, чтобы заставляя пять-шесть разъ повторять одно и то же, велитъ одному ученику рассказать, какъ онъ выучилъ; другому—изложить урокъ въ сжатой, конспективной формѣ, третьему выдѣлить изъ него главную мысль, четвертому подыскать въ памяти изъ пройденнаго аналогическій фактъ и т. д., то скучный и однообразный урокъ станетъ живымъ. Въ обоихъ приведенныхъ примѣрахъ соблюдены два условія, отъ которыхъ зависитъ интересъ урока: 1) *самодѣтельность учащихся* и 2) *разнообразіе*. Искусство въ приемахъ преподаванія имѣетъ даже нѣсколько опасную сторону: оно легко можетъ скрыть даже отъ самого преподавателя бѣдность и пустоту содержанія урока и преувеличить въ его глазахъ значеніе той оживленной работы, какую проявилъ классъ подъ его руководствомъ. Но несомнѣнно одно,—чѣмъ суше, чѣмъ отвлеченнѣе содержаніе урока, тѣмъ болѣе нуждается онъ въ виртуозности приемовъ; таковы, напр., уроки грамматики, математики, иностранныхъ языковъ и т. п.

Теперь представимъ себѣ скучный по содержанію, трудный по своей отвлеченности, урокъ, на которомъ учитель никакихъ мѣръ не принимаетъ, чтобы вызвать самодѣтельность учащихся, внести какое-либо оживленіе и разнообразіе, ведетъ его скучно и монотонно. Тутъ классная дисциплина обыкновенно изъ рукъ вонъ плоха. Ученики по своему стараются внести самодѣтельность и разнообразіе, приправить чѣмъ-либо пикантнымъ прѣсность урока.

Огромное значеніе имѣетъ самая личность учителя на классъ въ дисциплинарномъ отношеніи. Дѣти необычайно чутки къ личному вліянію. Если они видятъ предъ собою человѣка, выпол-

нѣ владѣющаго знаніемъ, относящагося серьезно и сердечно къ своему предмету и неподдѣльно желающему передать знанія ученикамъ, то они къ такому преподавателю относятся не только съ уваженіемъ, но почти съ благоговѣніемъ. Такой учитель, если онъ и не виртуозъ по части методическихъ пріемовъ, можетъ быть увѣренъ, что его преподаваніе дастъ блестящіе результаты, и о классной дисциплинѣ ему не придется думать. Но горе преподавателю съ большими претензіями, и съ малыми знаніями, сухо относящемуся къ ученикамъ, небрежно объясняющему уроки,—тутъ ученики обращаются въ безпощадныхъ тирановъ,—тайныхъ и неувимыхъ, если учитель внушаетъ страхъ,—явныхъ и дерзкихъ, если и этой защиты у него нѣтъ.

Живо припоминаю я одного изъ моихъ преподавателей математики, у котораго я учился лѣтъ тридцать тому назадъ; уроки его запечатлѣлись такъ въ моей памяти, будто они были недавнихъ. Сосредоточенный, молчаливый, онъ объяснялъ такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой простотѣ такъ изящно, — ни слова лишняго, ни повторенія ненужнаго, съ такою правильной интонаціей, что нельзя было его не слушать, нельзя было не понять. Отвѣты учениковъ онъ слушалъ такъ сосредоточенно-внимательно, что просто стыдно было не знать, не рѣшить заданной задачи, не приготовиться къ объясненію ея,—такому, которое хотя сколько-нибудь напоминало бы объясненія его, учителя, которое стоило бы такого вниманія и серьезнаго отношенія, какія онъ всегда выказывалъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ я имѣлъ счастье учиться у такого учителя, и рѣшительно не помню ни одного случая какого-либо нарушенія дисциплины на его урокахъ. Классъ на нихъ представлялъ олицетворенное вниманіе и прилежаніе, а между тѣмъ въ этомъ самомъ классѣ, который благоговѣнно слушалъ своего учителя математики, — въ то же самое время въ столахъ уже находились разныя приспособленія, заготовленные для оживленія слѣдующаго урока французскаго языка: табакерка съ музыкой и вырѣзанный изъ бумаги и разрисованный красками чортъ, который долженъ былъ при помощи нитки и жеванной бумаги очутиться въ надлежащій моментъ на потолокъ... И бѣдному французу приходилось по большей части заниматься не уроками, а дисциплиной,—классъ пред-

ставлялъ невообразимый хаосъ. Этому учителя не уважали, такъ какъ онъ былъ лѣнтяй, вовсе не заботился о томъ, чтобы ученики дѣйствительно работали, и потому, очевидно, даже опасался и самъ доводить до свѣдѣнія начальства о безобразіяхъ на своихъ урокахъ. Ученики отлично это чувствовали.

Не всегда, впрочемъ, тишина и внѣшнее благоприличіе свѣдѣтельствуютъ о надлежащей дисциплинѣ. Памятенъ мнѣ учитель въ томъ же заведеніи, человѣкъ тоже лѣнливый, хотя и знающій, но, очевидно, вовсе не думающій о томъ, принесутъ ли не принесутъ пользу ученикамъ его уроки. Учитель этотъ, облеченный даже ученой степенью, пользовался вѣсомъ въ глазахъ начальства, и потому явныхъ шалостей на его урокахъ не проявлялось; напротивъ того, царила необычайная тишина, но это потому, что мы замѣтили, что эта тишина и среди нея монотонный отвѣтъ ученика производили на учителя особое вліяніе: онъ на нѣсколько минутъ впадалъ въ какое-то забытіе, подобно древнимъ индійскимъ подвижникамъ, погружался въ Нирванну, говорили ученики. И вотъ ученикъ, отвѣчающій урокъ, замѣтивъ, что наступило это погруженіе, начиналъ тѣмъ же тономъ городить всевозможную чепуху, влетая сюда и анекдоты крайне рискованнаго содержанія... Выходя изъ оцѣпенѣнія, учитель обыкновенно, словно проснувшись, спрашивалъ *что?* Вся прелесть для класса заключалась въ томъ, застигнетъ ли это *что* ученика врасплохъ или онъ сумѣетъ во время, не мигнувъ глазомъ, перейти къ надлежащему отвѣту. Замѣчательно, что никто, ни разу не попался, а дѣлалось это очень перѣдко. Иногда ученики бились объ закладъ, что они прочтутъ «Отче нашъ» или другую молитву во время отвѣта и выигрывали пари. Читались молитвы въ этомъ случаѣ даже нѣсколько на манеръ чтенія надъ покойникомъ... И этотъ учитель уходилъ изъ класса, бѣдный, видимо довольный учениками и, кажется, такъ и остался при убѣжденіи, что онъ умѣлъ держать классъ въ образцовой дисциплинѣ.

Можно было бы привести и въ десять разъ больше примѣровъ, взятыхъ изъ личныхъ воспоминаній, но и этихъ, полагаемъ, достаточно для иллюстраціи зависимости дисциплины отъ личности учителя.

Изъ всего сказаннаго, кажется, можно сдѣлать заключеніе,

что при соблюденіи всѣхъ разумныхъ требованій педагогики, основанной на опытной психологіи, заботы о дисциплинѣ въ классѣ, если не совсѣмъ, то почти упраздняются. Если содержаніе урока само по себѣ заключаетъ внутренній интересъ и соотвѣтствуетъ силамъ учащихся, если преподаваніе ведется такъ, что вносится наглядность, разнообразіе и вызывается самостоятельность учащихся и, наконецъ, если учитель, владея вполне своимъ предметомъ, относится къ урокамъ своимъ съ живымъ интересомъ, къ дѣтямъ доброжелателенъ и справедливъ, то не придется жаловаться на недостатокъ вниманія и прилежанія учениковъ, не придется и заботиться о поведеніи ихъ. Если и будутъ проявляться время отъ времени недостатки въ этихъ отношеніяхъ, то они будутъ случайными аномаліями, причины которыхъ школа въ правѣ будетъ искать внѣ стѣнъ своихъ, — въ семьѣ, въ обществѣ, въ индивидуальныхъ особенностяхъ учениковъ, въ крайней подвижности, въ необычайной разсѣянности и пр. Съ этими недостатками школа должна бороться всѣми разумными, зависящими отъ нея, мѣрами. Здѣсь дисциплина сливается уже съ воспитаніемъ не совсѣмъ нормальныхъ натуръ. И первое, съ чего начнетъ разумный педагогъ, — это съ изслѣдованія причинъ проявленія недостатковъ, съ условіями семейной жизни ученика, съ начальнымъ его воспитаніемъ и пр.

Нельзя не прибавить, что мы лишь указали на главнѣйшія условія хорошей или дурной дисциплины въ классѣ, заключающіяся въ немъ самомъ, въ урокъ, въ личности учителя; но слѣдуетъ замѣтить, что и помимо того могутъ быть обстоятельства, мѣшающія правильному ходу обученія и вызывающія на первый планъ дисциплину со всѣми ея атрибутами, — обстоятельства, въ которыхъ повинна школа. Къ такимъ надо отнести: 1) заваливаніе учащихся такой домашней работой, съ которой имъ приходится возиться до глубокой ночи, такъ что отрывается отъ сна значительная доля, и ученики приходятъ въ классъ безъ надлежащей умственной свѣжести и энергіи; 2) плохо составленныя росписанія, причемъ встрѣчаются подрядъ трудные уроки, требующіе значительнаго умственнаго напряженія, и не перемежаются уроками искусствъ, дающими нѣкоторый отдыхъ мозгу; 3) слишкомъ незначительными по времени рекреаціями, не даю-

щими возможности отдохнуть умственно отъ урока и физически отъ часового сидѣнія въ душномъ обыкновенно классѣ; 4) недозволеніе въ большинствѣ случаевъ возиться и шумѣть въ рекреационной комнатѣ, что является просто инстинктивной потребностью нѣкоторыхъ дѣтей, такъ какъ такимъ путемъ усиливается дыханіе, кровообращеніе, и другіе процессы, утратившіе свою энергію отъ долгаго сидѣнія.

Все это необходимо имѣть въ виду прежде, чѣмъ думать о дисциплинѣ и приступать къ дѣтямъ съ дисциплинарными взысканіями, которыя очень, очень часто, повторяемъ, являются возмутительною несправедливостью, дѣйствующей самымъ вреднымъ образомъ на нравственность воспитанниковъ.

II.

Нѣсколько замѣчаній о виѣклассной дисциплинѣ. — Къ чему приводятъ иногда строгія дисциплинарныя мѣры. — Дисциплина и чувства долга и законности. — Оутѣтствіе настоящаго воспитанія въ интернатахъ. — Господство и здѣсь одной лишь виѣшней дисциплины. — Надзиратели или воспитатели. — Скука въ интернатѣ. — Свойства хорошаго воспитателя. — Необходимость здоровыхъ развлеченій и физическихъ занятій въ интернатѣ. — Выводы.

Главнѣйшее зло и основная причина многихъ неурядицъ и печальныхъ явленій въ школьной жизни, — повторяемъ, — это та рознь, которая образуется между учащими и учащимися, воспитателями и воспитанниками, представляющими въ большинствѣ случаевъ два враждебные лагеря, ведущіе между собою непрерывную и порою жестокую борьбу. Происходитъ же это прежде всего отъ совершенно неправильнаго взгляда на дисциплину.

О классной дисциплинѣ мы сказали выше, теперь остановимся на виѣклассной.

Чтобы вполнѣ выяснитъ нашу мысль и не оставить въ читателяхъ никакихъ недоумѣній, возьмемъ самые простые, повседневные случаи.

Нѣсколько приходящихъ учениковъ, напр., опоздало къ молитвѣ, тогда какъ велѣно или предписано правилами придти за пять минутъ до нея. Наставникъ, или надзиратель, прочитываетъ списокъ опоздавшихъ и произноситъ имъ приговоръ — остаться на часъ послѣ уроковъ въ заведеніи въ наказаніе за неисправность и неисполненіе установленнаго правила. Нѣкоторые изъ наказанныхъ пробуютъ что-то сказать въ свое оправданіе, но наставникъ холодно прерываетъ ихъ и говоритъ:

— «Тутъ нечего толковать: не исполнили своей обязанности и несите наказаніе».

Такой надзиратель — представитель обычной, заурядной дисциплины: онъ держится того взгляда, что дисциплина должна быть строга и неизбежна, и потому вполне послѣдовательна, и всякій проступокъ долженъ вести за собою и извѣстное слѣдствіе.

Не такъ поступить въ данномъ случаѣ наставникъ, желающій быть настоящимъ воспитателемъ: онъ непременно выслушаетъ объясненіе виновныхъ, — выслушаетъ уже потому, что эти объясненія со стороны учащихся дадутъ ему возможность наблюсти нѣкоторыя ихъ особенности, откровенность или скрытность, правдивость или лживость, — и узнаетъ онъ, что одинъ изъ виновныхъ опоздалъ потому, что у родителей были гости, сидѣли за полночь, нельзя было заснуть во-время, да и прислуга заспалась, — не разбудила, когда слѣдуетъ; узнаетъ, что другой засидѣлся до глубокой ночи за рѣшеніемъ непосильной для него задачи; что третій во-время вышелъ изъ дома, да зазѣвался на улицѣ. Узнавъ все это, воспитатель не будетъ торопиться наказывать даже виновныхъ, а лишь предупредить ихъ, что если будетъ повторяться неисправность, то придется взыскать; скажетъ это не въ видѣ холоднаго приговора, а съ сожалѣніемъ. Далѣе, относительно одного изъ виновныхъ воспитатель сочтетъ долгомъ снестись съ родителями, относительно другого поговорить съ учителемъ, задающимъ слишкомъ трудную работу, и пр. Дѣти въ такомъ воспитателѣ сразу почувуютъ и доброжелательство къ себѣ, и вниманіе, и желаніе быть полезнымъ имъ. Нѣсколько случаевъ подобнаго отношенія къ нимъ со стороны наставника, и души ихъ открыты для его воспитательныхъ воздѣйствій,

Надзиратель, — представитель одной лишь дисциплины — для дѣтей человѣкъ чужой; отношеніе ихъ къ нему похоже на отношеніе публики къ городовому, — блюстителю тишины и порядка; наставникъ же или воспитатель, входящій въ интересы своихъ питомцевъ, заботящійся о нихъ, старающійся предохранить ихъ отъ наказанія, становится для нихъ близкимъ человѣкомъ, съ которымъ скоро завязываются сердечныя отношенія, и который становится нравственнымъ авторитетомъ для дѣтей.

Не слѣдуетъ никогда забывать, что воспитанникамъ, чѣмъ моложе они, тѣмъ менѣе доступно пониманіе и надлежащее отношеніе къ закону или къ правилу въ ихъ отвлеченномъ видѣ. Это и понятно: законы являются или, вѣрнѣе, должны являться выраженіемъ болѣе или менѣе развитаго ума и развитаго нравственнаго чувства, а того и другого у дѣтей слишкомъ еще мало. Дѣтямъ необходимъ живой личный авторитетъ въ видѣ любящаго и любимаго, хотя строгаго, но справедливаго, отца, или походящаго на него и возбуждающаго уваженіе наставника. Такому наставнику дѣти охотно повинуются. У него и внѣшняя дисциплина процвѣтаетъ, и что особенно важно, онъ можетъ дѣйствительно оказывать благотворное воспитательное воздѣйствіе на нихъ.

Многимъ изъ нашихъ читателей, вѣроятно, припомнятся изъ школьных лѣтъ такіе наставники, которымъ воспитанники безусловно повиновались, обмануть которыхъ считалось въ глазахъ всей массы дѣтей тяжкимъ грѣхомъ.

Мнѣ живо припоминается такой воспитатель. — «Тише, ребята, не шумите!» скажетъ бывало онъ ученикамъ, громко разговорившимся въ классѣ въ ожиданіи учителя, скажетъ безъ всякаго раздраженія, безъ угрозы, и классъ смолкаетъ.

— «Молчать!» командуетъ другой, держа записную книжку въ рукахъ, готовясь записать туда и оштрафовать всякаго ослушника, и, несмотря на всѣ усилія, записи и угрозы, никакъ не можетъ добиться полной тишины. Онъ долженъ не спускать глазъ съ «негодныхъ дѣтей»; за спиной его они могутъ засвистать или продѣлать какую-нибудь другую дерзкую шалость.

Первый воспитатель какъ будто вовсе и не думаетъ о внѣшней

дисциплинѣ, а она какъ-то словно сама къ нему приходитъ; второй — представитель строгой дисциплины, а она для него словно какая-то сказочная, неуловимая жаръ-птица. Изъ стражи и охранителя дисциплины онъ обращается въ настоящего мученика ея. Разгадка всего между прочимъ очень проста. Отъ перваго воспитателя, отъ всѣхъ его дѣйствій и словъ, обращенныхъ къ дѣтямъ, вѣетъ тепломъ и доброжелательствомъ; онъ не придирчивъ къ нимъ, хотя онъ взыскиваетъ порою и строго, но всегда справедливъ. Второй надзиратель о дѣтяхъ и не думаетъ, всѣ его помыслы сосредоточены на дисциплинѣ, которая должна быть незыблема, послѣдовательна и строга; онъ даже дѣлаетъ какое-то особенное лицо, придаетъ ему юридическое, прокурорское выраженіе,—важное, серьезное и строгое; онъ не говоритъ, а командуетъ и произноситъ приговоры и, несмотря на все это, въ глазахъ дѣтей онъ — злобный шутъ и болѣе ничего, — шутъ, котораго одурачить или подразнить доставляетъ имъ развлеченіе, правда, грубое, но очень пріятное. Кому приходилось бывать въ толпѣ, которую иногда безъ толку расталкиваютъ не въ мѣру ретивые городовые или полицейскіе офицеры, командующіе до хрипоты: «Осади! осади!», хотя публика уже достаточно осадила и дальше осаживать некуда, — тотъ легко могъ замѣтить въ массѣ злобно-насмѣшливое настроеніе, предшествующее громкому протесту. Вотъ именно такое злобно-насмѣшливое настроеніе вызываетъ въ воспитанникахъ надзиратель, для котораго кромѣ дисциплины ничего не существуетъ, который изъ-за дисциплины не видитъ живыхъ дѣтей и забываетъ, что не они для нея, а она для нихъ.

Приходитъ мнѣ на память очень характерный случай. Одинъ учитель изъ австрійскихъ славянъ говорилъ мнѣ: «Удивляюсь я порядкамъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ! У васъ здѣсь — окончень урокъ, — звонокъ, и учитель первый выходитъ изъ класса, а за нимъ толпой ученики!» — «Почему же это вамъ кажется особенно дурнымъ?» спросилъ я. — «Помилуйте, развѣ это можно допускать въ дисциплинарномъ отношеніи? — У насъ въ Австріи учитель по окончаніи урока командуетъ ученикамъ: — Vorwärts!, и они въ стройномъ порядкѣ проходятъ предъ нимъ, а онъ идетъ позади ихъ. А то, помилуйте, когда учи-

тель идетъ впереди, а ученики идутъ толпою за нимъ, мало ли, что они могутъ ему сдѣлать, — могутъ плюнуть на него, даже, чего добраго, тумака или пинка дать, и ищи потомъ виноватаго!»

Такова австрійская предусмотрительность, вызванная самой строгой, самой пунктуальной дисциплиной!

Тамъ, гдѣ на первомъ планѣ дисциплина, основанная на страхѣ, можно и не до того еще дойти. Если бы писалась правдивая исторія внутренней жизни учебныхъ заведеній, особенно закрытыхъ, то мы имѣли бы поразительныя страницы, доказывающія, какъ нельзя лучше, что строжайшая дисциплина, основанная на страхѣ наказанія, всегда упраздняла настоящее воспитаніе, и порождала по большей части два выдающихся типа воспитанниковъ, — безстрашныхъ, или отчаянныхъ, готовыхъ на всевозможныя дерзкія выходки, способныхъ даже и нѣкоторыхъ изъ своихъ наставниковъ держать въ страхѣ, — и запуганныхъ трусовъ, у которыхъ съ трусостью развивалась скрытность и злоба, какъ извѣстно, неразлучные спутники трусости. Эти запуганные при полной увѣренности въ безнаказанности, при несомнѣнной возможности скрыть концы въ воду, способны были въ злобныхъ шалостяхъ превзойти даже отчаянныхъ.

Грустно становится, когда читаешь въ статьяхъ педагоговъ, почтенныхъ, уважаемыхъ, замѣчанія, что прежде всего въ школѣ слѣдуетъ заботиться о строгой дисциплинѣ, и что для надзора за дѣтьми даже вовсе не требуется особеннаго образовательнаго ценза отъ классныхъ надзирателей. Какое печальное недоразумѣніе! Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! не о дисциплинѣ, въ ея общепринятомъ смыслѣ, должна заботиться школа, а о правильномъ воспитательномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ, а для такого воздѣйствія нужны люди, понимающіе великую задачу воспитанія, стало быть люди, хорошо образованные, мало того, способные по характеру, по духовному складу къ этому важному дѣлу.

Дисциплина, повторяемъ, имѣетъ въ виду прежде всего — внѣшній порядокъ, благочиніе, тишину и пр.; средства ея взысканіе. Не живая душа дѣтей, не ихъ натура, не ихъ интересы, а именно внѣшнее благочиніе составляетъ главнѣйшую цѣль дисциплины, — въ этомъ и величайшее зло ея въ школѣ. Предъявить десятокъ или полтора правилъ девятилѣтнему мальчуга-

пу или дѣвочки такого же возраста и выставить на видъ, что за неисполненіе ихъ будутъ взыскивать, не только не значить развивать въ дѣтяхъ чувство долга и законности, а совсѣмъ наоборотъ,—значить приучать ихъ съ первыхъ же шаговъ въ жизни, когда впервые у ребенка являются обязанности, къ мысли, что исполненіе ихъ почему то считается труднымъ, непріятнымъ, такъ что нужно загодя пострадать и наказаніемъ. Съ первыхъ же шаговъ сознательной жизни воспитанникъ видитъ, что законы, которые являются ему въ видѣ школьныхъ правилъ, сплошь и рядомъ могутъ быть нарушаемы, что самыя взысканія, слѣдующія за нарушеніемъ, вовсе не такъ ужъ страшны. Словомъ преждевременными дисциплинарными правилами чаще всего профанируется законъ; вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него, какъ на священную, ненарушимую заповѣдь, какъ на выраженіе нравственного долга, въ школѣ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкають смотрѣть, какъ на мелочныя, произвольныя, излишнія требованія лицъ, облеченныхъ властью, могущихъ наказывать. Наказанія же не только утрачивають нравственное значеніе, но мало-по-малу отъ частаго употребленія и вовсе теряють даже свое устрашающее значеніе, если только постепенно не возрастаетъ и суровость ихъ.

Припоминаю такой фактъ. Въ пансіонѣ, въ которомъ я учился лѣтъ тридцать тому назадъ, содержатель, добродушный старичекъ, большой любитель тѣлесныхъ наказаній, обязательно каждую субботу наказывалъ розгами въ пансіонской банѣ провинившихся за недѣлю. Прочитавъ списокъ ихъ, — набиралось обыкновенно отъ 15 до 20 человѣкъ,—онъ довольно добродушно прибавлялъ:

— «Ну теперь пойдемъ въ баньку сѣчься!»

Онъ шелъ впереди, а за нимъ гурьбой шли «сѣчься» ребята, при чемъ нѣкоторые подпрыгивали, подплясывали, выдѣлывая смѣшныя па.

Слишкомъ ужъ часто производилось наказаніе и очень ужъ просто смотрѣлъ начальникъ пансіона на розги; также стали смотрѣть на нихъ и воспитанники.

Педагоги, понимающіе всю важность правильной постановки въ школѣ воспитанія, по большей части, остерегаются слишкомъ

рано давать воспитанникамъ правила, и стараются въ дѣтяхъ, путемъ практики, примѣра, упражненія развитъ чувство долга, исполнительность и аккуратность. Настоящій воспитатель понимаетъ, что дурныя привычки ребятъ нужно ослаблять и устранять противоположными привычками, видитъ, на примѣръ, неряшливаго мальчика, приходящаго съ плохо вымытыми руками въ классъ, и не полѣнится разъ пять, десять подрядъ осмотрѣть его и послать помыться, и достигнетъ того, что воспитанникъ привыкнетъ къ опрятности. Такъ настоящій воспитатель поступитъ и въ другихъ случаяхъ. Результатъ тотъ, что у такого наставника дѣти мало-по-малу свыкаются съ обязанностями своими; исполнительность, аккуратность становятся какъ бы ихъ природнымъ и долговѣчнымъ свойствомъ. Тогда какъ надзиратель-дисциплинаторъ, руководящійся готовыми правилами, неисполненіе которыхъ должно обязательно вести за собою взысканіе, является въ глазахъ воспитанниковъ ловцомъ, сыщикомъ, которому будто бы пріятно изловить нарушителя правила и подвергнуть наказанію. Обмануть, перехитрить такого сыщика на взглядъ воспитанниковъ — дѣло не только позволительное, но и желанное. Самыя обязанности, исполненіе которыхъ обусловлено страхомъ взысканія, становятся для воспитанниковъ дѣломъ тягостнымъ и непріятнымъ.

Любопытно, что у сторонниковъ дисциплины въ школѣ встрѣчаемъ слѣдующее вполнѣ справедливое замѣчаніе. Дѣти, только что поступившія въ школу, обыкновенно въ началѣ склонны исполнять всѣ тѣ требованія, которыя предъявляются дисциплиной, а именно: во-время являться на уроки, соблюдать тишину и спокойствіе въ классѣ, внимательно слѣдить за учителемъ на урокѣ, вести себя чинно внѣ класса, слушаться приказаній надзирателей и проч. Нарушеніе всѣхъ этихъ обязанностей является лишь тогда, когда новички освоятся со школой.

Не ясно ли отсюда, что школѣ, заботящейся объ исполненіи указанныхъ требованій, нужно искать причинъ нарушенія ихъ прежде всего въ самой себѣ? Безъ устраненія этихъ причинъ дисциплинарныя взысканія являются прямо вопіющей несправедливостью. Ученикъ долженъ во-время явиться въ классъ, а учителя зачастую заставляютъ ждать себя 15 — 20 минутъ

послѣ звонка. Ученикъ долженъ вести себя чинно внѣ класса, а рекреационной комнаты нѣтъ, и воспитанники толкуются въ коридорѣ, при чемъ сначала невольно, а потомъ и нарочно толкаются и производятъ безпорядокъ, а виноваты лишь тотъ, кто попался на глаза надзирателю, и т. п.

Словомъ, на каждомъ шагу мы видимъ, что школа почти ничего не дѣлаетъ, чтобы съ своей стороны облегчить какъ можно болѣе воспитанникамъ исполненіе ихъ обязанностей: она лишь предъявляетъ требованія и взыскиваетъ за неисполненіе ихъ. Да вдобавокъ, эти требованія часто совершенно излишни, нисколько не сообразованы съ дѣтской натурой, а взысканія являются нерѣдко простою случайностью; изъ десяти проступковъ лишь три-четыре ведутъ за собою наказанія, да и тутъ нерѣдко они падаютъ не на главныхъ виновниковъ, а на случайно попавшихся на глаза надзирателя или начальствующаго лица, часто невольныхъ участниковъ шалости или нарушенія порядка. — «Не попадайся!» — вотъ главная заповѣдь нашихъ школьниковъ: она, эта заповѣдь, воплоти законное дѣйствіе той дисциплины, которая вообще господствуетъ въ школѣ вмѣсто надлежащаго воспитанія. И это не такъ маловажно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Кто знаетъ, быть можетъ та служебная недобросовѣстность, на которую такъ часто у насъ жалуются—показное усердіе и ретивость на глазахъ начальства и ничегонедѣланіе и откладываніе всего въ долгій ящикъ за глазами его, даже неблагоприятныя продѣлки, лишь бы не попасться, ведутъ начало изъ школы, гдѣ не воспитывали чувства долга, не развивали привычки своевременно и добросовѣстно исполнять свои обязанности, а лишь наказывали попавшихся за неисполненіе ихъ. Тутъ, пожалуй, могутъ замѣтить, будто вся бѣда въ томъ, что подвергаются отвѣтственности лишь случайно попавшіеся, а если бы дѣло велось тщательно, и подвергались взысканію *все* виновные, тогда пѣль достигалась бы. На это отвѣтимъ, что такой контроль почти невозможенъ, а если бы онъ былъ возможенъ, то веденный правильно въ воспитательномъ отношеніи, т. е. доброжелательно по отношенію къ воспитанникамъ, съ искреннимъ желаніемъ помочь слабымъ, направить на должный путь ошибающихся и

проч., онъ неизмѣримо полезенъ, чѣмъ контроль, руководимый дисциплинарными цѣлями, отыскиваніемъ виновныхъ и наказаніемъ ихъ.

До сихъ поръ мы касались преимущественно открытаго заведенія, дѣйствія дисциплины въ классѣ и внѣ его во время рекреаций. Теперь перейдемъ къ интернату. Если начальство открытаго заведенія, ссылаясь на то, что учащіеся проводятъ въ стѣнахъ его лишь 5 — 6 часовъ въ сутки, можетъ съ нѣкоторымъ основаніемъ (конечно, въ сущности вовсе неуважительнымъ) утверждать, будто открытая школа не можетъ задаваться воспитательными цѣлями, то ничего подобнаго ужъ вовсе не въ правѣ сказать лица, завѣдующія интернатомъ. Здѣсь воспитаніе неизбѣжно должно стоять на первомъ планѣ: не большая радость для общества, если изъ закрытаго заведенія будутъ выходить молодые люди, прекрасно знающіе географію, исторію, иностранные языки и пр., и въ то же время съ извращенными чувствами, съ испорченными характерами, нечестные,—люди, для которыхъ общество созидаетъ и другія закрытыя заведенія, въ видѣ тюремъ, рабочихъ домовъ и пр. Всякій здравомыслящій человѣкъ скажетъ: Богъ съ ними, со всѣми вашими книжными знаніями, дайте намъ лучше хорошихъ, нравственныхъ людей, способныхъ къ труду!

Что же мы видимъ въ интернатахъ нашихъ въ большинствѣ случаевъ? Видимъ ту же пресловутую дисциплину, одну только дисциплину! Все направлено лишь къ тому, чтобы соблюдался внѣшній порядокъ, чтобы была снаружи тишь да гладь. Если мало попадаютъ въ различныхъ проступкахъ, процентъ наказанныхъ невеликъ,—значитъ хорошо. Въ каждомъ почти интернатѣ вы найдете штрафной журналъ. Онъ, такъ сказать, дневникъ заведенія, онъ—ея лѣтопись! Для свѣжаго мыслящаго человѣка, не освоившагося еще съ обычнымъ ходомъ дѣла въ школѣ, такое явленіе покажется въ высшей степени страннымъ:—«Неужели только и жизни заведенія было, что проступки, занесенные въ журналъ, да взысканія, слѣдовавшія за ними?—спроситъ онъ,—неужели всѣ непровинившіеся никакъ не проявляли себя, не обращали на себя никакого вниманія? Почему въ заведеніи не существуетъ указаній

на характеристическія особенности воспитывающихся, проявленія ихъ духовныхъ силъ, на тѣ мѣры, какія принимались для того, чтобы вызвать желательныя качества характера у воспитанниковъ или воспитанницъ, направить ихъ на надлежащій путь? Ничего этого нѣтъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ: мы не рискуемъ особенно ошибиться, если скажемъ, что развѣ въ одномъ изъ десяти закрытыхъ заведеній у насъ есть что-либо похожее на воспитаніе.

Первая мысль, которая прежде всего является у насъ,— это вопросъ:—Что же за педагоги-воспитатели, которые вовсе не интересуются личностью своихъ воспитанниковъ?—Въ отвѣтъ на это прежде всего надо замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ воспитателей-педагоговъ въ закрытыхъ заведеніяхъ и нѣтъ, а есть лишь надзиратели и надзирательницы, или гувернеры, и гувернантки, какъ ихъ иногда называютъ. Надзиратели—это особый типъ несчастныхъ людей, въ большинствѣ случаевъ не доучившихся, или не получившихъ высшаго образованія, и потому не могущихъ преподавать въ классѣ. И вотъ этихъ людей за очень незначительное вознагражденіе и нанимаютъ «надзирать» за воспитанниками. Таковы же обыкновенно и «надзирательницы». Нерѣдко встрѣчаются между надзирателями и надзирательницами лица, которые и не слыхали, что собственно значить воспитаніе, не читали ни одной книжки, ни одной статьи о немъ. Да и зачѣмъ? Дѣло, вѣдь, такъ просто. Вѣдь, существуетъ инструкція: воспитанникамъ нельзя нарушать порядокъ, нельзя отлучаться безъ спросу изъ класса или рекреаціонной комнаты, нельзя курить, нельзя... нѣсколько десятковъ этихъ «нельзя». Остается только не допускать нарушенія этихъ правилъ, вотъ и все тутъ. Начальствующія лица тоже смотрятъ на дѣло очень просто: было бы тихо да учились бы исправно. Будетъ порядокъ, воспитанники къ нему и попривыкнутъ, и выйдутъ «порядочными» людьми, будутъ прилежно учиться,—выйдутъ прилежными, трудящимися людьми. Вотъ та нехитрая «система», какой держатся обыкновенно лица, стоящія во главѣ закрытыхъ заведеній. «Надо только зорко слѣдить, чтобы не нарушался порядокъ,—для этого въ распоряженіи школы страхъ наказанія, а чтобы хорошо учились,—для этого

есть еще и приманка награды». Дальше этого обыкновенно не идутъ. Другими словами, воспитанія въ смыслѣ заботы о правильномъ развитіи духовной и физической стороны воспитанниковъ или воспитанницъ нѣтъ, а есть только дисциплина.

Полагаю, что многимъ изъ читателей, знакомыхъ съ интерьеромъ, ясно представляется монотонная, однообразная и невыразимо скучная жизнь въ пансіонѣ.

Это слово вызываетъ въ моемъ воспоминаніи прежде всего длинную, мрачную комнату, еле освѣщенную лампами (въ наше время, т. е. лѣтъ 30 тому назадъ еще не было хорошихъ лампъ), гдѣ съ сонными лицами сидятъ за книгами или тетрадями воспитанники, готовящіе уроки. Длину комнаты измѣряетъ своими шагами надзиратель или гувернеръ съ испитымъ усталымъ лицомъ; утомленіе слышится даже въ звукѣ его неровныхъ шаговъ. Онъ часто поглядываетъ на часы, видимо ждетъ не дождется, когда придетъ возжелѣнная минута командовать «на молитву!» а затѣмъ въ постель. Время отъ времени онъ издаетъ звукъ *тиш!* Это онъ унимаетъ нѣкоторыхъ, начавшихъ громко болтать. Произносить этотъ звукъ до такой степени вошло въ его привычку, что онъ нерѣдко шипѣлъ безъ всякой надобности, машинально, что служило признакомъ сильнаго утомленія. Вотъ въ одномъ углу воспитанники начали возиться, и надзиратель спѣшить туда.

— «Вы всегда безпорядки тутъ дѣлаете!» раздраженно-недовольнымъ тономъ укоряетъ онъ.—Посмотрите, вонъ Ивановъ, Хватовъ, Комарницкій, вѣдь могутъ же спокойно заниматься.

И точно, названные старшіе ученики занимаются спокойно: Ивановъ очень внимательно читаетъ «Мадридскія тайны», а Хватовъ, обложившись со всѣхъ сторонъ лексиконами, тщательно набиваетъ себѣ папиросы. Но полсотни ихъ набито, больше гильзъ нѣтъ, и Хватовъ сидитъ безъ дѣла. Комарницкій сообщаетъ ему, что Петръ Ивановичъ (надзиратель) уже нѣсколько разъ праздно «пускалъ шипъ по-змѣиному», и что пора его, собачьяго сына, нѣсколько подбодрить. Тогда Хватовъ, выждавъ, пока Петръ Ивановичъ дошелъ до противоположнаго конца комнаты, громко и весьма натурально залаялъ по-собачьи. При этомъ всѣ семьдесятъ воспитанниковъ, цѣлый воз-

расть, радостно встрепенулись. Надзиратель устремлялся на лай, желая поймать дерзкого шалуна, но тутъ на другомъ концѣ комнаты раздается настоящее кошачье жалобное мяуканье... Петръ Ивановичъ оборачивается и бѣжитъ туда.

— «Кто это безобразничаетъ?!» озлобленно допрашиваетъ онъ.

Оказывается, что никто не виноватъ, а нѣкоторые заглядываютъ даже подъ парты, и увѣряютъ, что, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ кошка забралась. Не можетъ добиться Петръ Ивановичъ тутъ никакого толку, хоть сильно сердится и волнуется. А въ это время съ другого конца явственно слышится рычаніе большой и злой собаки... «Подлецы!!» злобно шепчетъ Петръ Ивановичъ и съ безнадежнымъ видомъ нервно идетъ туда. Но тутъ раздается громкій бой часовъ. Бьетъ десять,—время молитвы, а затѣмъ сна и возжелѣннаго покоя. Что дѣлать? Производить розыскъ,—все равно ничего не добьешься, а на новую дерзкую выходку навѣрно нарвешься; наказать всѣхъ, оставить безъ отпуска въ воскресенье—смысла нѣтъ; придется дежурить съ наказанными, да еще и до свѣдѣнія директора дойдемъ, и, пожалуй, онъ ему, надзирателю, выговоръ сдѣластъ,—не умѣешь-де поставить себя надлежащимъ образомъ къ воспитанникамъ. Самый лучший исходъ—предать все забвенію.

— «Ну, да ужъ я изловлю, доберусь до негодяевъ!» злобно думаетъ надзиратель и кричить: «на молитву!».

И воспитанники, нѣсколько оживленные, выведенные изъ охватившей ихъ спячки шалостью двухъ смѣльчаковъ и забавниковъ, нарушившихъ на нѣсколько минутъ оцѣпенившую ихъ скуку, шумно разговаривая и смѣясь, становятся предъ образомъ...

На слѣдующій день директоръ, просматривая штрафной журналъ, видитъ, что записаны двое воспитанниковъ за возню во время приготовленія уроковъ. (Надзиратель ограничился бы при благопріятныхъ условіяхъ замѣчаніемъ, которое онъ сдѣлалъ завозившимся воспитанникамъ, но онъ слишкомъ былъ разсерженъ дерзкою выходкою непойманныхъ шалуновъ, и ему нужны были жертвы). Прочитавъ записъ, директоръ укоряетъ возившихся ребятъ, указываетъ, что они уже третій разъ попа-

даются въ нарушеніи тишины, лишаетъ ихъ въ наказаніе отпуска въ ближайшее воскресенье и въ заключеніе говорить:

— «Хоть бы вы брали примѣръ съ другихъ,—посмотрите на Хватова, Иванова, Комарницкаго,—вѣдь, могутъ же себя образцово вести. Никогда на нихъ никакихъ жалобъ!»

Стоять мальчуганы, набычившись предъ своимъ начальникомъ и думаютъ про себя: вотъ тебѣ и правда на свѣтѣ! Хватовъ по-собачьи лаялъ и первый затѣйникъ во всѣхъ шалостяхъ. Комарницкій всегда подбиваетъ другихъ на шалость, а послушали бы какія вещи Ивановъ рассказываетъ товарищамъ въ укромныхъ мѣстахъ... И вотъ ихъ ставятъ въ примѣръ: они гуляютъ себѣ съ отличной отмѣткой за поведеніе, а ты тутъ отсиживайся въ праздникъ, потому что Петръ Ивановичъ разозлился и записалъ за пустяки...

Мы привели эту небольшую, но правдивую картинку съ цѣлью наглядно показать нѣкоторыя печальныя стороны жизни въ интернатѣ, гдѣ нѣтъ воспитанія, а заботятся лишь о дисциплинѣ и на стражѣ ея ставятъ надзирателя.

Что такое надзиратель въ школѣ? Это не только жалкій, но и вредный въ воспитательномъ отношеніи человѣкъ. У надзирателя съ воспитанниками только тогда могутъ установиться сносныя отношенія, когда онъ вслѣдствіе личныхъ свойствъ, особеннаго такта и ума, превышаетъ, такъ сказать, свою должность и незамѣтно беретъ на себя роль воспитателя. Если же этого нѣтъ, если онъ держится точно своихъ обязанностей, т. е. наблюдаетъ, чтобы дисциплинарныя требованія не нарушались, а нарушенія вели бы за собой надлежащія взысканія, то онъ неизбежно долженъ стать лицомъ противнымъ, даже ненавистнымъ для воспитанниковъ. Онъ имъ можетъ только причинять однѣ непріятности, и чѣмъ подробнѣе и мелочнѣе дисциплинарныя правила, тѣмъ чаще и больше. Положительнаго онъ, какъ надзиратель, ничего давать не обязанъ: онъ только долженъ постоянно напоминать о дисциплинарныхъ требованіяхъ, которыя даже въ случаѣ полной своей справедливости и рациональности, не могутъ быть пріятны, такъ какъ неизбежно стѣсняютъ свободу, но при педантизмѣ и мелочности становятся прямо невыносимыми. И вотъ надзиратель, изъ усердныхъ, на-

ходится при воспитанникахъ въ видѣ аргуса и безпрестанно приходится имъ слышать отъ него: этого нельзя, такъ нельзя, не такъ стоите, не такъ сидите, не такъ говорите. Безпрестанно трудится онъ надъ штрафнымъ журналомъ. Можно ли удивляться, что изъ ста случаевъ развѣ наберемъ два - три, когда надзиратель и воспитанники не находятся въ явномъ или тайномъ антагонизмѣ. Учитель хоть и строгій и не всегда справедливый все-таки въ глазахъ учениковъ человѣкъ полезный, онъ учитъ ихъ, объясняетъ имъ, чего они не понимаютъ,—словомъ, даетъ нѣчто положительное и полезное; слѣдовательно, отчасти искупаетъ свои недостатки. А надзиратель—это совсѣмъ чужой человѣкъ, душа котораго вовсе не соприкасается съ душою воспитанниковъ; онъ только слѣдитъ за ними, стѣсняетъ ихъ и подвергаетъ взысканіямъ. Убѣдите-ка воспитанника даже старшаго возраста, что всѣ дисциплинарныя требованія, стѣсняющія его свободу, необходимы и полезны для правильной выработки его характера и надлежащихъ привычекъ... Тотъ самый городской, который стоитъ на углу, и въ которомъ вы видите полезнаго охранителя порядка, сдѣлался бы вамъ невыносимымъ, если бы вздумалъ слѣдовать за вами повсюду по пятамъ, хотя бы вы и навѣрное знали, что онъ это дѣлаетъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы стѣснить въ чемъ-либо вашу разумную свободу, а лишь для того, чтобы предостеречь во-время отъ нарушенія полицейскихъ правилъ. Сталъ бы онъ вамъ невыносимъ именно своей неотступною опекой надъ вами, обиднымъ недовѣріемъ къ вашей способности не нарушать и безъ его помощи никакихъ постановленій... Такое же впечатлѣніе въ большинствѣ случаевъ производитъ надзиратель на воспитанниковъ.

Совсѣмъ другое дѣло воспитатель, къ которому воспитанники проникнуты уваженіемъ, съ которымъ можно посовѣтоваться, который готовъ подѣлиться съ ними и своимъ опытомъ и своими знаніями и принимаетъ живое участіе въ ихъ радости и горѣ. И такой человѣкъ своимъ присутствіемъ стѣсняетъ: при немъ не развалишься, не станешь беспокоить его возней, при немъ стыдно продѣлать какую-нибудь глупую шалость, въ родѣ лаянья. Онъ не бросится отыскивать виновника, но онъ, если такой случайно и нашелся бы, отнесется съ презритель-

ной усмѣшкой, назоветъ выходку мальчишествомъ, или только удивится. Надлежащаго эффекта шалость не произведетъ. Но вѣрнѣе, что даже и подобной попытки не произойдетъ. Самые отъявленные шалуны тогда проявляютъ свои склонности, когда чувствуютъ, что найдутъ сочувствіе въ массѣ товарищей; а въ данномъ случаѣ поддержки они въ массѣ никогда не найдутъ. То стѣсненіе, которое неизбѣжно является для нѣсколькихъ десятковъ воспитанниковъ въ присутствіи умнаго, доброжелательнаго и уважаемаго воспитателя, есть именно благотворное воздѣйствіе личности. Стѣсненіе это даже и не чувствуется, такъ какъ оно выкупается тѣмъ удовольствіемъ, которое испытывается воспитанниками отъ присутствія въ своей средѣ уважаемой личности. Чувство, это, полагаемъ, испытывали всѣ наши читатели.

По нашему глубокому убѣжденію,—все зло, всѣ тѣ безобразія, какія по большей части являются неизбѣжными въ нашихъ интернатахъ, происходятъ отъ трехъ главныхъ причинъ: 1) полного отсутствія воспитанія и господства дисциплины, въ связи съ этимъ 2) порученія наблюденія надзирателямъ и 3) господства всепоглощающей скуки въ однообразной жизни интерната.

Скука—вотъ тотъ ядъ, которымъ заражена школа. Отсюда ведетъ начало то переутомленіе, жалобами на которое гигиенисты успѣли уже переутомить читателей педагогическихъ журналовъ. Отсюда вѣчныя жалобы учителей на классную дисциплину и безконечныя безплодныя заботы объ усиленіи строгости ея. Отсюда измышленіе отмазокъ за вниманіе, за прилежаніе, всякихъ взысканій и вздохи о благодѣтельныхъ розгахъ, отошедшихъ у насъ въ область исторіи. Не проникай эта скука насквозь всей школьной учебы, учащіеся выносили бы изъ школъ вдвое больше знаній,—знаній живыхъ и плодотворныхъ, не затрачивая и половины того времени, какое уходитъ теперь на томительное сидѣніе за постылыми книгами и тетрадями...

Но скука въ классѣ, гдѣ все же есть дѣло, которымъ какъ ни какъ, а надо заняться,—ничто въ сравненіи съ той скукой, какая обыкновенно царитъ въ интернатѣ во вѣбурочное время! Уроки приготовлены, голова и глаза утомлены, читать неохота,

да и нечего, до сна осталось еще часа два, гулять не пускаютъ, даже и по полутемной залѣ пробѣжаться нельзя,—помѣшаешь тѣмъ, кто еще занимается, да и вообще бѣготня и всякая возня запрещены, вдобавокъ тутъ же шагаетъ взадъ и впередъ вѣрный стражъ дисциплины—надзиратель; скука и тоска насквозь проникаютъ при этомъ воспитанниковъ отъ макушки до пятокъ. Это ясно видно по осунувшимся и усталымъ лицамъ ихъ,—и сидятъ то они какими-то мѣшками, тяжелой и усталой посадкой; если ходить, то какими-то вахлаками, таща ноги, словно къ нимъ по пудовой гирѣ привязано. Одинъ, развалившись и положивъ голову на руки, дремлетъ и позѣвываетъ; другой забылся и зѣвнулъ такъ громко, что всѣ встрепенулись, а нѣкоторые радостно захохотали,—все-таки маленькое развлеченіе. Надзиратель, тоже усталый и потому раздраженный, находитъ нужнымъ произвести розыскъ,—кто зѣвнулъ. Виноватаго не оказывается,—никто не зѣвалъ. Блюститель дисциплины выходитъ изъ себя: это дерзость, явно направленная на него. Намѣреннымъ невѣжествомъ кажутся ему и позы, въ которыхъ сидятъ воспитанники.—Какъ вы сидите! окрикиваетъ онъ одного. Какъ вы стоите! кричить на другого.—«Экій чортъ, чего онъ только вяжется?» злобно шепчетъ воспитанникъ. А иной разъ даже и вслухъ съ досадой скажетъ: «Чего вамъ отъ меня надо? Оставьте меня въ покоѣ!» Ну ужъ тутъ явная дерзость,—дерзость, за которую воспитанникъ, если и еще найдутся за нимъ въ штрафномъ журналѣ провинности, можетъ очень сильно поплатиться...

Если внимательно прослѣдить, какъ возникаютъ и разрастаются шалости, дерзости и другіе проступки, то окажется въ большинствѣ случаевъ, что зарождаются прежде всего шалости отъ невольныхъ нарушеній дисциплинарныхъ требованій, особенно несообразованныхъ съ дѣтской природой, да отъ скуки,—отъ желанія себя поразвлечь и товарищей позабавить. Живыя, активныя и способныя дѣти обыкновенно являются зачинщиками всякихъ продѣлокъ и шалостей, которыя въ началѣ вовсе не имѣютъ злостнаго характера, желанія позлить надзирателей, а затѣваются только отъ скуки. По большей части надзиратель, принимая шалость въ смыслѣ обдуманной обиды себѣ, самъ

наталкиваетъ воспитанниковъ на мысль придавать шалостямъ именно такой характеръ. Имъ становится любопытнымъ посмотреть, какъ онъ разсердится, какъ онъ будетъ розыскивать виноватаго, какъ не найдетъ его и пр.—Словомъ разыграется маленькая сценка драматическаго или комическаго характера. Разъ-другой удалось воспитанникамъ это,—надзиратель вышелъ изъ себя, рвался и метался, но ничего не добился,—они и соображаютъ, что у нихъ есть средство досадить, отомстить человѣку, который имъ причиняетъ только одиѣ непріятности... Тутъ уже начинаются злостныя, ранѣ обдуманныя, коллективныя шалости, обдуманныя сообща,—шалости, присуція почти всякому интернату, гдѣ есть нелюбимые надзиратели. Если и бываетъ иногда въ интернатахъ тиранія какого-нибудь аргуса-надзирателя,—«великаго ловца», отъ котораго трудно ускользнуть шалуну, и который властвуетъ терроромъ, то гораздо чаще интернатъ особенно старыхъ училищъ, гдѣ традиции о всевозможныхъ способахъ терроризировать надзирателей переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію воспитанниковъ,—представляетъ охлократію, и надзиратели, сознавая свою слабость, готовы перѣдко идти на всякіе компромиссы съ воспитанниками... Бываютъ случаи, что воспитанники не только передѣлываютъ на свой ладъ систему дѣйствій надзирателей, но вліяютъ и на характеръ ихъ и порою не безъ пользы. Въ одномъ женскомъ заведеніи, напр., воспитанницы оказали благотворное вліяніе на свою надзирательницу не въ мѣру ужъ подозрительную и обуянную страстнымъ желаніемъ изловить кого-нибудь. Она, замѣтивъ, напр., что три - четыре воспитанницы съ жаромъ разговариваютъ между собою, или читаютъ, спѣшила подобраться къ нимъ и послушать, о чемъ онѣ толкуютъ или что читаютъ. И вотъ дѣвочки принялись отучивать ее отъ этой дурной привычки: кинутся вдругъ гурьбой къ окну, будто охваченныя любопытствомъ, и она—за ними; глядитъ въ окно,—ничего нѣтъ, посмотреть на дѣвочекъ, увидить слегка насмѣшливыя лица,—и отойдетъ, нѣсколько сконфуженная... Или замѣтитъ, что нѣсколько воспитанницъ забилося въ уголокъ и съ любопытствомъ читаютъ какую-то записочку. Но тутъ, конечно, что-нибудь такое... думаетъ она, тихо подходит и говоритъ:—«А

дайте-ка мнѣ, дайте, что у васъ это!» Ей подають. Она развертываетъ, и оказывается кусочекъ сложенной чистой бумаги... И вѣдь такъ отучили ее этимъ способомъ отъ страсти ловить, что она потомъ не дѣлала этого, даже и тогда, когда слѣдовало бы.

Чѣмъ больше разнь между надзирателями и воспитанниками, и чѣмъ старше они, тѣмъ война становится обдуманнѣе и опаснѣе для обѣихъ сторонъ. Наказанія, хотя бы даже и суровыя, не приводятъ обыкновенно къ хорошимъ результатамъ: во-первыхъ, чѣмъ чаще онѣ примѣняются, тѣмъ больше утрачиваютъ, какъ сказано уже, свой эффектъ и, запугивая лишь слабыхъ и трусливыхъ, ожесточаютъ и огрубляютъ главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ, а, во-вторыхъ, гдѣ больше опасности и риску, тутъ и игра азартнѣе и увлекательнѣе... И чего только не творилось и не творится особенно въ интернатахъ, славящихся строгостью дисциплины! Все запрещенное здѣсь получаетъ особую прелесть, начиная отъ куренія и кончая спиртными напитками. Нѣтъ, кажется, порока, который не гнѣздили бы въ интернатахъ и особенно въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ отсутствуетъ воспитаніе и господствуетъ одна пресловутая дисциплина, основанная на страхѣ. Благоразумные родители страшатся отдавать дѣтей своихъ въ закрытыя заведенія и совершенно справедливо; здѣсь все зависитъ отъ случайности: попадется мальчикъ случайно въ хорошую среду товарищей, увлѣвшихся отъ обычныхъ язвъ интернатовъ, и выйдетъ человѣкомъ; сойдется съ двумя-тремя молодцами, прошедшими огонь и воду, и легко можетъ выйти негодяемъ. Если бы перебрать всѣ факты, извѣстные изъ внутренней жизни интернатовъ, то «бурса» Помяловскаго вовсе не казалась бы поразительной и преувеличенной картиной...

Что же дѣлать? Какъ помочь бѣдѣ?

Прежде всего слѣдуетъ проникнуться вполне сознаниемъ важности серьезнаго воспитанія, и понять, что дисциплина, взятая отдѣльно отъ него, не только не можетъ его замѣнить, но прямо вредитъ воспитательнымъ цѣлямъ заведенія.

Затѣмъ нужно помнить, что всякіе законы или правила преждевременны для воспитывающихся; и чѣмъ они моложе, чѣмъ

неразвитіе, тѣмъ менѣе способны понимать ихъ и относиться къ нимъ съ должнымъ уваженіемъ. Живой авторитетъ наставника или воспитателя, уважаемаго и любимаго воспитанниками гораздо успѣшнѣе можетъ регулировать ихъ школьную жизнь, чѣмъ отвлеченныя правила и поставленные при нихъ на стражѣ надзиратели.

Должность надзирателей и надзирательницъ должна быть совершенно упразднена въ школахъ, чтобы и помину о ней не было. При воспитанникахъ и воспитанницахъ должны быть не холодные блюстители порядка и представители Немезиды, которые при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ лишь могутъ поддерживать внѣшній порядокъ, но должны быть люди, вполне образованные, понимающіе всю важность воспитательнаго воздѣйствія на питомцевъ, доброжелательные къ нимъ. Самое лучшее, если бы учителя и учительницы, въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ преподаютъ, брали на себя воспитательскія обязанности. Ихъ образовательный цензъ и преподавательское положеніе несомнѣнно обусловили бы и большую авторитетность ихъ въ глазахъ воспитывающихся сравнительно съ полуобразованными надзирателями и надзирательницами.

Но самое важное, повторяемъ, это то, чтобы въ школѣ задачи именно воспитанія были выдвинуты на первый планъ, чтобы предъ учащимися и воспитывающимися былъ живой авторитетъ воспитателя, олицетворяющаго въ лицѣ своемъ для нихъ разумъ и справедливость, требованія котораго вытекаютъ изъ его убѣжденій и сообразованы съ дѣтскою природою. Слѣдуетъ, конечно, тщательно выбирать лицъ для воспитательской обязанности. Тутъ мало того, чтобы воспитатель былъ хорошо образованный и способный понимать всю важность воспитанія, а необходимо, чтобы это былъ человѣкъ не только справедливый, но и сердечный, терпѣливый и расположенный вообще къ дѣтямъ. Лицъ безъ этихъ свойствъ, по нашему мнѣнію, какого бы ума и какихъ бы знаній они ни были, не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ пускать въ школу ни въ качествѣ учителей, ни въ качествѣ воспитателей. Эти люди и сами не должны выбирать себѣ педагогической профессіи: она для нихъ, и они для дѣтей будутъ лишь тяжелымъ бременемъ.

Истинное воспитаніе только и возможно, такъ сказать, при живомъ соприкосновеніи души наставника съ душою воспитанника. Дѣти вообще весьма чутки, и тотчасъ же почувуютъ чело­вѣка сердечнаго и расположеннаго къ нимъ, и чело­вѣка, ко­торый только хочетъ казаться такимъ.

Воспитатель перваго рода обладаетъ громадной воспитатель­ной силой, особенно, если онъ при указанныхъ свойствахъ об­ладаетъ большимъ педагогическимъ тактомъ, не забываетъ, что онъ не долженъ и не можетъ стать съ воспитанниками въ слиш­комъ близкія товарищескія или дружескія отношенія, не расто­чителенъ въ словахъ и ласкахъ: сантиментальность и заиски­вающая привѣтливость какъ бы претятъ здоровымъ дѣтскимъ натурамъ, а жестокость и суровость тяжела и горька для нихъ. Самое лучшее, когда отношенія воспитателя къ воспитанни­камъ носятъ характеръ отношеній внимательнаго, добродуш­наго, дѣловаго чело­вѣка, который знаетъ цѣну времени и не тратитъ его на пустяки, когда воспитанники сердечную доброту своего воспитателя и заботливость его о нихъ узнаютъ не изъ словъ его, а изъ дѣлъ.

Воспитатель, обладающій всѣми необходимыми свойствами, имѣетъ громадное вліяніе на воспитанниковъ: весь внѣшній порядокъ и все, надъ чѣмъ часто безсильно трудятся въ потѣ лица надзиратели, представители строгой и неизблемой дисци­плины, здѣсь достигается чрезвычайно просто и легко, — какъ будто дѣлается само собою. Такой наставникъ или воспитатель всею своею личностью дѣйствуетъ благотворно на дѣтей,— дѣйствуетъ, какъ бы чрезъ психическое внушеніе, и разумныя требованія его и желанія, спокойно предъявляемые, исполня­ются дѣтьми скоро и охотно.

Воспитанники, сначала чувствуя, а затѣмъ и убѣдившись на дѣлѣ, что воспитатель хорошій, добрый, справедливый чело­вѣкъ, и при томъ расположенный къ нимъ, относятся къ нему съ полнымъ довѣріемъ, даже любовью. Они знаютъ, что онъ, даже въ случаѣ непослушанія или проступка, не будетъ торо­питься наказать, а внимательно разберетъ причины, и когда обнаружится, что бѣда произошла только отъ злой воли воспи­танника, то и тутъ не о наказаніи подумаетъ, а прежде всего

огорчится, потому что ему дѣйствительно больно видѣть провинившагося. Наказаніе для хорошаго воспитателя — послѣднее дѣло. Воспитанники, не подавленные страхомъ наказанія, менѣе склонны къ скрытности, къ обману. Поступая согласно желанію воспитателя, они чувствуютъ себя все-таки нравственно-свободными: не страхъ наказанія побуждаетъ ихъ къ тому, а ихъ собственное желаніе доставить удовольствіе уважаемому человѣку, да и совѣстно огорчить его послушаніемъ.

Изъ сказаннаго понятно, насколько воспитательскій нравственный авторитетъ, вызывающій внутренніе, духовные стимулы, — такіе, какъ совѣсть, доброжелательство, желаніе доставить удовольствіе другому, чувство уваженія, выше и цѣннѣе полицейскаго надзора надзирателя, холоднаго охранителя дисциплинарныхъ правилъ. У хорошаго воспитателя, подъ вліяніемъ его живого авторитета воспитанники мало-по-малу свыкаются безъ всякаго насилія со всѣмъ, что требуется и дисциплиной, т. е. съ аккуратностью, исполнительностью, самообузданіемъ, съ требованіемъ общественности, и юноша, оканчивающій курсъ, видитъ въ законѣ строго опредѣленное выраженіе тѣхъ чувствъ, влеченій и привычекъ, которыя вошли у него въ плоть и кровь въ школьные годы; тогда какъ соблюденіе отвлеченныхъ правилъ страха ради, подъ холоднымъ надзоромъ поборника строгой дисциплины, никогда не разовьется тѣхъ внутреннихъ духовныхъ стимуловъ, которые и составляютъ собственно сущность хорошаго, нравственнаго человѣка, но заставить смотрѣть на эти правила, какъ на тяжелое стѣсненіе воли; съ ними въ представленіи воспитанниковъ непремѣнно ассоціируется память наказанія и недовѣрія со стороны воспитателя. Дисциплина сама по себѣ, по нашему глубокому убѣжденію, не можетъ содѣйствовать правильному развитію чувства долга и законности; основанная на строгомъ надзорѣ, она чужда довѣрія. Надзиратель, наблюдающій за строгимъ исполненіемъ дисциплинарныхъ правилъ, обязанъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы они исполнялись воспитанниками безъ малѣйшаго уклоненія, долженъ поэтому, подобно полицейскому, смотрѣть въ оба: довѣрію тутъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста. А между тѣмъ, кому же неизвѣстно, что довѣріе, такъ сказать, обязываетъ къ

честности того, кому довѣряютъ, и потому оно одно изъ самыхъ важныхъ воспитательныхъ средствъ.

Любопытно, что и взрослые люди, способные къ казнокрадству, въ отношеніяхъ общественныхъ бываютъ, говорятъ, честны, и сочли бы себя жестоко обиженными, если бы кто-либо заподозрилъ ихъ въ способности утащить у знакомаго при удобномъ случаѣ большую сумму денегъ. Объясняется это явленіе, вѣроятно же всего, тѣмъ, что знакомые своимъ полнымъ довѣріемъ парализуютъ даже преступную склонность, а начальство, представители казны, своимъ постояннымъ недоувѣріемъ, контролемъ и бдительнымъ надзоромъ какъ бы освобождаютъ отъ лишняго тормазу эту склонность. Въ первомъ случаѣ къ страху напасть присоединяется чувство совѣстливости, вызываемое довѣріемъ, а во второмъ этого добавочнаго противовѣса порочному стремленію нѣтъ, и оно осуществится на дѣлѣ, если соблазнъ выгоды преступления перевѣшиваетъ страхъ наказанія за него. Притомъ не мало помогаетъ тутъ и привычка еще со школьной скамьи смотрѣть на всякое начальство, какъ на враждебную силу, которая внушаетъ лишь страхъ, а не уваженіе, и относительно которой можно дѣйствовать, не разбирая средствъ.

Возбужденіе чувства страха, холодный надзоръ, недоувѣріе, вотъ главные проявленія дисциплины въ ея чистомъ видѣ, которыя дѣйствуютъ неизбѣжно самымъ вреднымъ деморализующимъ образомъ на развивающуюся душу воспитывающихся. Вотъ почему дисциплинѣ, оторванной отъ воспитанія, не мѣсто въ школѣ. Люди, понимающіе значеніе воспитанія, только истощивъ всѣ ея средства, обращаются къ дисциплинарнымъ мѣрамъ и то лишь по отношенію къ очень немногимъ.

Мы старались нарочно характеризовать дисциплину въ ея чистомъ видѣ, чтобы яснѣе была читателю наша мысль. Обыкновенно понятіе дисциплины смѣшиваютъ и почти отождествляютъ съ понятіемъ воспитанія, и это потому, что въ чистомъ видѣ дисциплина является не всегда: если между надзирателями попадаютъ люди разумные и добрые, то они даже невольно впадаютъ болѣе или менѣе въ роль воспитателей; но это простая случайность, зависящая вовсе не отъ строя школы, не отъ дис-

циплины, а отъ личности, по своимъ свойствамъ не могущей вмѣститься въ тѣсныхъ рамкахъ ея.

Случалось слышать намъ такое соображеніе: воспитатели гораздо дороже стоятъ, чѣмъ надзиратели, и потому нельзя думать о хорошей постановкѣ воспитательной части въ школѣ, достаточно, если воспитанники будутъ хорошо дисциплинированы. Послѣ всего сказаннаго нами, полагаемъ, читатели ясно видятъ всю неосновательность такого соображенія. Притомъ правильная постановка воспитанія немногимъ стоила бы дороже теперешняго дисциплинарнаго надзора, если бы воспитательскія обязанности возлагались за добавочное вознагражденіе и квартиру на преподавателей. Впрочемъ, не будемъ тутъ останавливаться на этой сторонѣ дѣла. Это повело бы насъ далеко за предѣлы нашей замѣтки и то разросшейся болѣе, чѣмъ мы желали. Скажемъ здѣсь лишь одно, что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о судьбѣ подрастающихъ поколѣній, тамъ экономическіе расчеты менѣе всего должны имѣть мѣста.

Остановимся теперь еще на одномъ въ высшей степени важномъ вопросѣ. Жизнь воспитанниковъ въ интернатѣ по большей части, какъ мы уже указали, отравлена необычайной скукой; крайнее однообразіе этой жизни, сотни всякихъ стѣсненій и лишеній и полное отсутствіе въ ней элемента радости и удовольствія дѣлаютъ ее похожею на жизнь подвижниковъ, съ тою лишь громадною разницею, что эти послѣдніе по большей части люди, утомленные жизнью, добровольно обрекающіе себя на монастырское жильё, а здѣсь дѣти, растущія и физически и духовно, а для всего растущаго, развивающагося прежде всего нужны тепло и свѣтъ и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. А этого-то и нѣтъ обыкновенно въ нашихъ интернатахъ или слишкомъ мало.

Бодрое, веселое настроеніе — вотъ то состояніе, въ которомъ должна находиться молодежь, если хотятъ воспитать изъ нихъ хорошихъ и дѣятельныхъ людей. Это необходимое условіе здоровья и физическаго и духовнаго обыкновенно упускается изъ виду.

Всякое учебное заведеніе, а тѣмъ болѣе интернатъ должны позаботиться прежде всего о хорошемъ, просторномъ и чистомъ

дворѣ, гдѣ воспитанники могли бы въ волю бѣгать, играть въ мячъ, въ городки, зимой устраивать катокъ, горы и пр. Затѣмъ необходимо имѣть въ каждомъ заведеніи одну или двѣ хорошія рекреаціонныя залы, гдѣ, въ случаѣ дурной погоды, можно было бы и побѣгать и повозиться.

Но этого мало. Необходимо воспитанникамъ интерната предоставить и физическій трудъ: пусть зимой сами устраиваютъ себѣ катокъ, ледяныя горы, пусть лѣтомъ занимаются огородами или цвѣтоводствомъ; пусть въ рекреаціонныхъ комнатахъ будетъ нѣсколько токарныхъ станковъ, нѣсколько столярныхъ верстаковъ и инструментовъ. Хорошо, если бы и между воспитателями нашлись лица, умѣющія работать и могущія указать главнѣйшіе приемы токарнаго и столярнаго ремесла.

Необходимы занятія и удовольствія эстетическія. Надо организовать хоры поющихъ и любящихъ пѣть, предоставить желающимъ обучаться игрѣ на различныхъ инструментахъ. Необходимо устраивать литературныя чтенія и бесѣды, хорошо организовать бібліотеки и разумно руководить чтеніемъ.

Если бы учебныя заведенія обо всемъ этомъ позаботились, и при этомъ не дѣлали бы этихъ игръ и занятій обязательными для воспитанниковъ, не употребляли бы никакого принужденія, а лишь всячески поощряли бы и способствовали имъ, то можно было бы сказать, что школа позаботилась о томъ, чтобы создать благоприятныя условія для воспитанія своихъ питомцевъ. Двѣ язвы — праздность и скука сдѣлались бы рѣдкими явленіями при этихъ условіяхъ, и жизнь школы забила бы живымъ ключомъ. Праздность и скука главные причины всѣхъ безобразій въ интернатѣ; да и не только въ интернатѣ: развѣ дикій разгулъ, возмутительные скандалы и безобразныя дебоши, такъ называемой, золотой молодежи, зависятъ не отъ тѣхъ же причинъ съ прибавкой умственной и нравственной пустоты? Да, внесеніе въ жизнь школы, особенно закрытой, по возможности въ большей мѣрѣ осмысленнаго удовольствія, здороваго развлеченія и свободнаго труда — дѣло первостепенной важности.

Припомнимъ, какое серьезное вниманіе обращаютъ англичане въ своихъ школахъ на подвижныя игры, на тѣлесныя упражненія, бѣгъ взапуски, борьбу, бѣганье на конькахъ,

греблю, и пр., внося во все это принципъ соревнованія, и какое громадное воспитательное значеніе имѣтъ это на развитіе энергіи, характера и здоровья. — Припомнимъ, какъ шведы въ своихъ школахъ серьезно смотрятъ на такъ называемый ручной трудъ. Припомнимъ, наконецъ, какъ нѣмцы, школьнымъ порядкамъ которыхъ мы болѣе всего подражаемъ, заботятся объ устройствѣ школьныхъ праздниковъ въ чествованіе важнѣйшихъ историческихъ событій, содѣйствуя этимъ развитію патріотическаго чувства; какъ у нихъ воспитатели устраиваютъ съ воспитанниками своими прогулки за городъ, экскурсіи и проч. и проч. Благодаря тому, что такимъ образомъ въ школьную жизнь въ значительной степени вносится элементъ удовольствія, радости, школа въ указанныхъ странахъ возбуждаетъ въ своихъ питомцахъ гораздо больше любви къ себѣ, чѣмъ наша; въ такія школы учащіеся охотнѣе ходятъ и охотнѣе въ нихъ занимаются.

Припомнимъ все это не для того, чтобы взять да цѣликомъ перенести къ намъ нѣкоторые порядки и обычаи западной школы, какъ это иногда дѣлается, а для того, чтобы убѣдиться, что та школа, мужская или женская, которая только учитъ въ классахъ, да надзираетъ видъ уроковъ, далеко еще не исполняетъ своихъ обязанностей: школа и не только закрытая, но и открытая, должна воспитывать. Для этого очень и очень многое намъ нужно.

А прежде всего необходимо пониманіе всей важности разумнаго воспитанія и необходимы настоящіе воспитатели, хорошо образованные, авторитетные, доброжелательные къ дѣтямъ, способные внушить имъ уваженіе и довѣріе къ себѣ.

Такіе воспитатели только тогда явятся, когда, во-первыхъ, будетъ серьезный спросъ на нихъ, т. е. когда лица, отъ которыхъ зависитъ строй школы, вполне сознаютъ значеніе настоящаго воспитанія, а не будутъ думать, что достаточно для школы дисциплины, наблюденіе за которой можно поручить дешевымъ надзирателямъ или надзирательницамъ; а, во-вторыхъ, когда жрецы науки въ нашихъ университетахъ, вообще свысока смотрящіе на среднюю школу, поймутъ, что изученіе педагогическихъ системъ и вопросовъ, на которые обращали

вниманіе такіе мыслители, какъ Платонъ, Локкъ и др., заслуживаютъ и ихъ благосклоннаго вниманія,—пожалуй, даже не меньшаго, чѣмъ ревностно изучаемые разные «великіе» средне-вѣковые и новѣйшіе комментаторы совсѣмъ даже невеликихъ римскихъ писателей.

Настоящіе воспитатели и воспитательницы, которые займутъ со временемъ мѣсто надзирателей и надзирательницъ въ нашей школѣ, конечно, безъ всякаго колебанія признають, что

1) самообладаніе и управленіе собою — одно изъ самыхъ трудныхъ искусствъ, которому нельзя сразу научиться, и потому

2) дисциплину общую, обязательную для всѣхъ, требующую этого самообладанія, основанную на страхѣ наказанія, вводить въ школу значитъ дѣлать крупную ошибку, такъ какъ

3) дисциплина прямо требуетъ отъ дѣтей того, въ чемъ воспитаніе видитъ лишь одну изъ своихъ конечныхъ цѣлей, и потому взятая отдѣльно отъ воспитанія можетъ лишь мѣшать ему.

4) Дисциплина должна быть твердою, одинаково обязательною для всѣхъ, должна быть, такъ сказать, всегда равна сама себѣ и въ цѣляхъ, и въ средствахъ, а это прямо противорѣчитъ задачѣ воспитанія — сообразоваться не только съ возрастомъ, но и съ индивидуальностью воспитанниковъ.

5) Дисциплина дѣйствуетъ преимущественно страхомъ наказанія, а этимъ она можетъ только вредить дѣлу воспитанія, такъ какъ этотъ страхъ — одно изъ самыхъ дурныхъ и опасныхъ средствъ, пользоваться которымъ воспитатель позволяетъ себѣ съ большою осторожностью и то лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

6) Своихъ задачъ въ школѣ, особыхъ отъ задачъ воспитанія, дисциплина не имѣетъ: все, чего она требуетъ, входитъ и при томъ лишь какъ незначительная часть въ кругъ задачъ воспитанія и потому она не можетъ разсматриваться, какъ нѣчто самостоятельное и равномѣрное воспитанію, могущее замѣнять его въ школѣ.